

18+

НАТАЛЬЯ ГОЛУБКИНА —

ПУТЕШЕСТВИЯ ОДНОЙ ДУШИ

КНИГА 2

Наталья Голубкина

Путешествия

одной души. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63471291
ISBN 9785005190628

Аннотация

Это книга воспоминаний автора о своих прошлых жизнях от зарождения души через разные воплощения и опыты. После каждой жизни происходит ее оценка и осознание, что ценного было в ней. Так вы можете заглянуть за завесу смерти и увидеть свою жизнь глазами души. Ведь ее видение и ценности сильно отличаются от наших, человеческих. Помимо этого вас ждет множество ярких и увлекательных историй о самих жизнях!

Содержание

Предисловие	5
Джи из Бомбея	8
Фредди с крокодиловой фермы в Австралии	20
Лучано, владеющий запахами	34
Скала на Титаниуме	54
Ворон Карл в средневековой Европе	61
Воплощение кита	76
Макар из экспедиции Н. Рериха	88
Контраст со временем	104
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Путешествия одной души

Книга 2

Наталья Голубкина

Дизайнер обложки Марина Арабаджи

Редактор Елена Чернова

Корректор Георгий Журба

© Наталья Голубкина, 2020

© Марина Арабаджи, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-9062-8 (т. 2)

ISBN 978-5-0051-9063-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Рассказывая историю Абдуллы, конюха из Аравии (в конце первой части «Путешествия одной души», книга 1), я с удивлением обнаружила, что вначале у души была задумка прожить жесткое мужское воплощение в суровых условиях. Я так красиво рассказывала про лошадей: как замечательно у меня получается ладить с ними, как я рада результатам своей жизни. И меня снова удивило, насколько душа видит жизнь совсем с другого ракурса. Та жизнь в действительности была трудной и тяжелой, и все восторги по поводу реализации своего предназначения никак не умаляют суровых условий бедного существования в Аравийской пустыне.

С помощью этой книги мне хочется сместить фокус вашего внимания на взгляд из сознания души, видящей несомненную ценность в каждой жизни. В каких бы условиях вы ни жили, как бы тяжело и трудно вам ни было порой, необходимо уметь видеть главное. Условия, которые вас закаляют, делают сильнее, мудрее, воспринимать не как трудности и сложности, а как инструменты для того, чтобы становиться лучше. Попробуйте на любые жизненные ситуации, которые касаются вас самих, ваших близких, посмотреть глазами души, представить, как бы она восприняла всё, что с вами происходит.

Ещё хочу пояснить одну из особенностей изложения историй в этой книге, которая может показаться читателю очень странной. Когда я пишу о своей душе, то говорю от её лица в мужском роде. Согласно некоторым концепциям, душа человека бесполоя. Но на своем опыте работы со многими людьми я убедилась, что душа может быть как бесполой, так и обладать выраженными мужскими или женскими качествами характера. Свою душу я чувствую больше как мужскую.

Когда речь идёт о персонажах в воплощениях, то иногда я пишу от первого лица, а иногда от третьего. И часто перескакиваю с одной позиции на другую. Нарочно не стала причёсывать текст в этом отношении, чтобы показать, как происходит процесс вспоминания. При обучении студентов в Институте Реинкарнационики мы используем упражнение «в теле/вне тела», когда человек может смотреть на своего персонажа со стороны или отождествиться с ним и рассказывать от первого лица.

Воплощения могут попадаться очень разными, приятными и созвучными в данный момент или, наоборот, отталкивающими, болезненными, в которые не очень-то хочется окунаться. И даже внутри одной и той же истории это пере-

скакивание «в тело/вне тела» происходит само собой. Позиция «со стороны» позволяет рассказывать историю, о происходящих событиях в общем. Повествование «изнутри» помогает лучше прочувствовать эмоции и состояния героев, чтобы ярче их передать слушателям и читателям.

Джи из Бомбея

После воплощения, в котором я был конюхом Абдуллой, я стал чувствовать, что товарищи посмеиваются над моим пристрастием к лошадям. А я этого и не скрываю. Мне действительно очень приятно с ними взаимодействовать, скакать верхом. В этой жизни я тоже очень люблю лошадей.

Душа делает передышку, оставаясь какое-то время в Мире душ. Произошел разговор с Наставником, более серьезный, чем были прежде. В этой жизни был важен момент выбора, который я сделал. Хотя, если бы я пошел по другому пути и стал разбойником, жизнь была бы лихая, яркая, но короткая. И это тоже был бы приемлемый выбор, хороший вариант. Наставник по-отечески смеётся, похлопывая меня по спине: «Я понял, ты решил растянуть удовольствие». Кто-то выпивает эспрессо одним глотком, а кто-то долго смакует даже самую маленькую чашку.

Затем я предаюсь мечтам, облачившись в воображаемые богатые арабские одежды, в руках у меня четки. Я смотрю на них и тихонько вздыхаю, представляя, как было бы приятно касаться отполированных деревянных бусин, на которых начертаны узоры. Слегка растерянно я слоняюсь без целей и задач. Так бывает, когда все задания выполнил и у тебя по-

является свободное время, а ты его не планировал и не знаешь, чем заняться. Потом я подумал: «Может, заглянуть

к своим ребятам? Может, у них что-то интересное зате-
ается – пойду, посмотрю». Стол, за которым мы обычно
планируем наши жизни, – живой интерактивный стол-экран
в виде большого камня с отполированной гладкой поверхно-
стью. В нем можно видеть всё, что творится на Земле, либо
просматривать свои жизни. Вокруг него сидят мои товари-
щи, те их части, которые присутствуют в Море душ. Они по-
лупрозрачные, словно находятся в полусне. Это значит, что
они воплощены на Земле. И только один полностью присут-
ствует здесь, наблюдая за тем, что происходит у ребят.

Мы обмениваемся парой фраз. Я вижу там что-то связан-
ное с войной – воронки, вихри. Про себя ухмыляюсь: нашим
экстремалам всегда нравится что-то активное, будоражащее
и сейчас они там воют. Думаю, чем мне заняться, беру кни-
гу с полки, листаю ее. У книги интересный красивый пере-
плет с восточным орнаментом, и мне приходит идея о вопло-
щении Джи...

Индия, железная дорога на Бомбей. 1962 год. Худенький
темнокожий мальчишка с копной кудрявых волос сидит в ва-
гоне у окна. Никаких мыслей, в голове пусто. Он едет про-
сто куда-нибудь, не знает, что ждет его впереди. Приехали.
С осторожностью выходит из вагона и окунается в толпу.
Женщины в сари, тележки, рикши – мальчуган разглядывает

всё вокруг. Он неспешен, ему всё в диковинку, множество необычных запахов, людей. Он жадно всё впитывает. Видит собаку и радуется ей, словно родному существу. Хочет потрогать её, но опасается. Он бродит по узким темным улицам. Страшная женщина обращается к нему с насмешкой. Это проститутка, она подшучивает над мальчишкой. Хочется есть. Где взять еды? Вот бы сейчас оказаться в поле, но это большой город и полей рядом нет. Кто-то ест рис – у Джи живот сводит голодной судорогой!

Вот ему двадцать один год. Он работает рикшей. Сам везёт тележку на колесах. С благодарностью принимает деньги. Одет в довольно хорошую рубашку, не оборванец. Парень улыбочивый, добрый, очень контактный. Когда он проезжает по улице, люди здороваются и машут рукой. Однажды, проходя мимо одной из лавок, он видит девушку, несущую на голове хворост и пальмовые листья. Красавица смущенно опускает глаза. Она ему нравится. У Джи рождается чувство любви, совершенно потрясающее ощущение полета. Теперь она – смысл его жизни. Все его мысли о ней, как бы её встретить, увидеть. Думает о её взгляде, как привлечь к себе внимание, понравиться ей, но не решается подойти.

Однажды всё же набрался смелости и подходит к девушке. Руки сложены в приветствии. Внутри чувствуется спокойная уверенность. Он принял решение к ней обратиться,

и будь что будет. Джи видит, как она смущенно опускает глаза, и это его подбадривает. Он придумал повод: просит её помочь с письмом, которое не может прочесть. У неё насмешливый взгляд, но она принимает игру и берёт письмо. Они присаживаются рядом. Она читает. Письмо от родителей. Ей очень нравится, что письмо из дома доброе и хорошее, создаёт ощущение домашнего уюта. Между молодыми людьми возникает теплая привязанность, доверие. Спыхватывается – в нагрудном кармашке у него сладость, обернутая в бумагу. Он достает её и смущенно протягивает девушке в знак благодарности за помощь.

Свадьба проходит в Бомбее. Дальше вижу её уже располневшую, с ребенком на руках у их небольшого домика с простой обстановкой. В ней чувствуется раздражение и усталость. В нём тоже, так как приходится много работать, чтобы обеспечить семью. Она смотрит на него таким взглядом... Это не счастливые глаза женщины, хотя в них нет упрека. Он спешит отвернуться. В глубине души Джи есть чувство вины от того, что нет в глазах любимой женщины счастья и блеска радости, что в семье всё сложно. И хочется скорее уйти от этого взгляда, чтобы не чувствовать себя виноватым. Он уходит. Бродит один по берегу моря. Она спрашивает, будет ли у них второй ребенок. Джи не продолжает с ней отношения, так как не хочет больше детей. Это осложнит ситуацию. Его чувства к ней остыли. Не ладится между ними. Ре-

бенку лет семь, он идет в школу. Обстановка гораздо спокойнее. Она занята домашними делами и сыном, а также выполняет кое-какую работу – проверяет тетрадки. Берёт на дом какие-то рукописи. А Жи...

Вернулось слово «свобода». А где эта свобода? Приходится работать, жить в городе, есть жена и обязательства. Он не ощущает себя свободным. Он уже более уверен в себе. Большим достатком это не назовёшь, но они живут сносно, не бедствуют. Ему тридцать пять, и у него появляются мысли о том, для чего он ехал в большой город. Он ехал за свободой, и где он сейчас? Того ли хотел? Задумывается, чего же он хочет на самом деле, доволен ли тем, что имеет сейчас. Вроде бы всё хорошо, но чего-то не хватает. Есть ощущение внутреннего поиска. Идя по улице, он пристально вглядывается в разные ситуации, внимательно смотрит, что происходит вокруг, ища знаков или возможностей, которые разорвут рутину и привнесут что-то новое в его жизнь.

Он стоит у храма с колоколом. Легонько касается его язычка, чтобы тот издал тихий звук. И в момент обращения к Богу благодарит за то, что всё хорошо. Спрашивает, что происходит, что делать ему. Он не понимает, что с ним происходит. Его это тревожит. Я вижу того, к кому он обращается. Он похож на Наставника или духа, который по-доброму посмеивается над Жи и гладит его по голове невидимой

рукой, как маленького мальчика: «Ты молодец! Всё хорошо! Иди». Дух радуется тому, что Джи задаёт себе эти вопросы, ищет ответы, а не отмахивается от них.

И вот парню попадает газета с объявлениями. Требуются технические рабочие на киностудию. Он подумал: «Почему бы и нет». Это что-то совершенно новое. Он идет туда. Его задача – делать простую работу: перекачивать и устанавливать осветительные приборы – огромные лампы. Его увлекает мир, где снимается кино. Яркие костюмы, краски, музыка, танцы! Всё ему очень нравится! Он идёт домой после работы уставший, но постоянная смена картинок и впечатлений его радует.

Старый Джи сидит в кресле. Приходит сын. Он навещает отца и рассказывает ему о своих успехах. Джи смотрит на него, видит себя в юности и радуется. Он доволен своим сыном. Это дает ему чувство удовлетворения от прожитой жизни. Жены уже нет в живых. Сын беспокоится о том, как живётся отцу. Джи успокаивает его, хотя сам уже довольно дряхлый и ему сложно передвигаться. Он живет своими воспоминаниями, рассеянный. У него склероз сосудов мозга и проблемы с памятью. Он встал, куда-то пошел, отвлёкся и зовет сына другим именем, не узнаёт его. Сын расстраивается. Он понимает, что отец болен, его это очень печалит. Тут же Джи поворачивается к сыну и говорит: «А ты чего

раскис-то? Всё хорошо!» – и снова ему улыбается, узнаёт его. Сын понимает, что ничего с этим не сделаешь, прощается с отцом и уходит расстроенный.

Джи ложится спать и умирает во сне. Душа вышла из тела, озирается, заглядывает себе в лицо, разглядывает всё вокруг с недоумением, словно пытаюсь припомнить, где он и что произошло, что делать дальше. Я впервые вижу такой вариант ухода: появляется свечение, которое притягивает, и душа идет на этот свет. Ощушаю присутствие нескольких существ рядом и лечу на свет. Наверху встречает мой Наставник в образе сказочного индийского мудреца. Он называет меня «малыш Джи».

«Ну как? – смеется. – Ты получил свою свободу?»

«Ну да! А что, у меня была неплохая жизнь, получше, чем у многих».

Неман хохочет. Его забавляет то, что сам момент нахождения в теле уже является несвободой. И когда человек пытается искать свободу, находясь в теле, это на его взгляд забавно. Потому что свобода – это ощущение Духа самого по себе. А когда воплощаешься в теле, имеется ряд ограничений и обязательств, взятых на себя в связи с жизнью. Можно иметь свободу только в определенных рамках.

Марис: *Давай посмотрим, что предшествовало воплощению, для чего оно было? Чей это был выбор? Был ли вы-*

бор?

Мы с Наставником сидим перед моей книгой жизни. Он спрашивает: «Куда ты хочешь?» У меня сразу возникает образ мальчика, который может пойти куда угодно и самостоятельно выбрать свой путь. Если он свободен, то может сделать любой выбор. Приходит вариант пойти в храм, служить в ашраме. Можно искать работу, как он и сделал, начиная с самых низов. Можно на море или на реке жить, ловя рыбу или перевозя людей. Можно наняться в работники в сельской местности и обрабатывать поля. У меня была полная свобода выбора. Я хотел посмотреть, что получится, а не планировать.

Марис: *Люди, которые были близкими родственниками или друзьями в жизни, – это знакомые или совершенно незнакомые души? Или ты не согласовывал такие обстоятельства, чтобы иметь возможность попробовать, что такое свобода?*

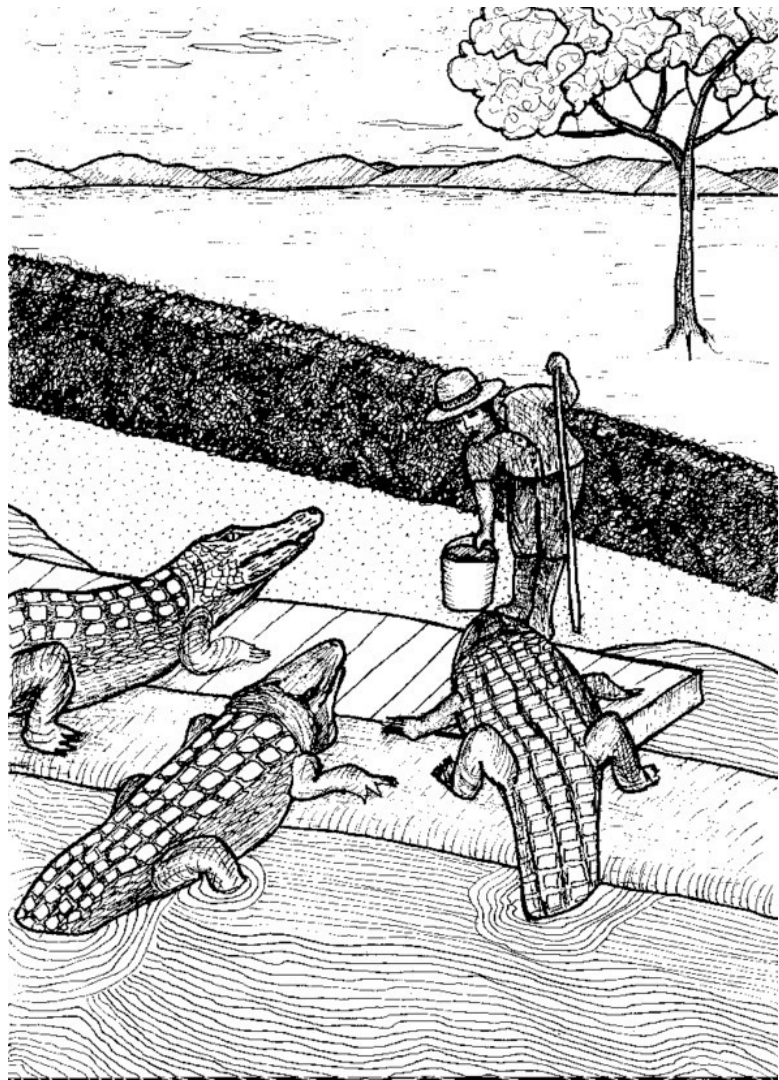
Женщина. Ее глаза и притягивающий взгляд – это был момент узнавания. Мы договорились, что она будет моей женой, но пусть будет как получится, не будем загадывать. И сын тоже. С ним очень доброжелательные отношения и очень высокая степень принятия. Но конкретных договоренностей не вижу.

Марис: *Были ли какие-то активные вмешательства Наставников в жизнь во время воплощения?*

Вижу момент его прихода в храм. Это не было вмешательством. Они наблюдали, так как идея была в свободе выбора. И это был знаковый момент, что он самостоятельно проснулся в тридцать пять и задумался о том, где он, что делает и чего хочет, начал искать. Наставники порадовались тому, что этот момент поиска был и что он сработал, изменил его жизнь.

Марис: *Есть ли комментарии Наставников по этому воплощению?*

Пришла фраза: «Свобода в душе». В том смысле, что, где бы ты ни находился в жизни и в какой ситуации, в твоей воле чувствовать себя свободной душой, свободным духом. В таком случае нужно помнить, кто ты. Тогда ты останешься свободным в любых обстоятельствах. Если ты забываешь, кем являешься на самом деле и полностью погружаешься в ситуацию, – в этом твоя несвобода. Ты сам ограничиваешь свою свободу.

Фредди с крокодиловой фермы в Австралии

Вижу мужчину, работающего на крокодиловой ферме в Австралии. Эта жизнь – противоположность предыдущей. Там я отработывала свободу выбора, а здесь душа хочет прожить опыт, когда человек ограничен в своей свободе, он не волен выбирать. Это заключенный, которого привезли в Австралию из Европы, он вынужден там оставаться, работая на крокодиловой ферме. Он связан по рукам и ногам законом, вывезен на другой материк, его жизнь полностью контролируется властью.

Я родился в публичном доме у одной из работающих там девушек. Повитуха, принимавшая меня, пробурчала: «Ну вот, еще один крысёныш». Моя мать безразлична и к родам, и к ребенку. Ей больше тридцати пяти, в то время это солидный возраст, поздние роды.

Детство. Я худой и несуразный. Мое имя – Фредди. Живу здесь же, при борделе. Меня используют как подсобную рабочую силу – принести воды, унести ведра, я помогаю ходить на рынок. Рано научился воровать, предоставлен сам себе, шляюсь по улицам, пробовал притворяться калекой. Пару раз полицейские оттащали меня за уши. Иногда мате-

ри приходится выкупать меня – монетами или своими услугами, пуская в ход женские чары. Она постоянно меня упрекает: «Давай, бугай, вырастай уже!» – сил у неё остается всё меньше, она совсем дряхлая и потасканная. А я превратился в дерзкого парня, не обременённого моральными принципами, любителя выпить и наблюдать за теми, кто приходит в бордель. Мне нравится их одежда, драгоценности, но я не решаюсь воровать здесь, и меня очень строго предупреждали об этом. Иначе у борделя будет дурная слава и они потеряют клиентов. Меня это злит, ведь это самое простое.

Однажды меня на улице подзывает тип в цилиндре, помятый какой-то, с тростью. Видит, что я слоняюсь без дела – олух, которого можно использовать и подставить, если возникнет необходимость. Он решил прибрать меня к рукам, пока это не сделали другие. Приманивает сладкими обещаниями участия в деле: «У нас всё схвачено, добычу делим по справедливости». Расписывает все прелести нахождения в банде. С ними интереснее, нежели в бабьем гнезде толкаться, они всё время меня шпыняют. Соглядатаи банды получают информацию о том, что один состоятельный джентльмен будет проезжать за городом. Они знают этот тихий, безлюдный участок и решили устроить там засаду. На самом деле в банду меня не пускают, я общаюсь с этим типом и еще парой таких же олухов, как я. Они делают это нарочно, чтобы я никого не мог выдать.

Мой связной специально вырядился в полосатые яркие штаны, приклеил усики. Мне с самого начала казалось, что у него театральная, бутафорская внешность. Оказывается, этот театр – для меня, чтобы я мог описать его полицейским. Сняв же этот маскарад, он останется неузнанным. Схема такова: банда получает свой выигрыш, подставляет полиции трёх олухов, полиция находит преступников, у них дело закрыто, начальство их хвалит, они на хорошем счету. А настоящие преступники остаются вне пределов досягаемости. Естественно, всё проплачено и все остаются при своих интересах.

Я полон азарта перед засадой! Надел платок на лицо, закрыв его нижнюю часть, сверху шляпа, плащ, какое-то да же оружие дали. Я чувствую себя героем. Для меня большая радость, что я могу что-то толковое сделать, поучаствовать в настоящем деле и у меня будет настоящая доля добычи! Я не подозреваю об опасности и подставе, мне всё кажется идеально спланированным. Вот что значит «нет выбора». Когда ты оказываешься пешкой в чужой игре, но мнишь себя очень значимым.

Происходит нападение. Нам сказали без крайней нужды богатого господина не убивать. Один из подставных оказался совсем без тормозов, не удержался и резанул господина

по горлу своим странным серповидным ножом. Все на него стали шипеть: «Что ты наделал? Это уже мокруха! Ты нас всех подставил!» Началась паника, все разбегаются в разные стороны. Мы мечемся по неопытности, еще не умеем замечать следы. Я спрятался неподалеку в часовне около кладбища. Подумал, что меня там не найдут. А те, которые на самом деле забрали добычу, абсолютно спокойно, без всякой суеты и паники удалились, зная, что им ничего не грозит. Их не станут искать по договоренности. Меня нашли с помощью собаки, которая взяла след и вывела на кладбище. Так же нашли и схватили тех двоих. Суд приговорил нас к каторге в Австралии. Мы плывем на корабле. Условия нечеловеческие. Руки сзади закованы, всё тело сводит, ни пошевелиться, ни распрямить конечности – самая настоящая пытка. Наложенная линия, четко проторенный маршрут. Небольшое судно с заключенными, грузом и почтой.

Когда привозят заключенных, приезжают фермеры и разбирают нас – кого на сахарный тростник, кого на плантации для сельскохозяйственных работ. Меня увидел огромный рыжий мужик с бело-розовой кожей и пышными рыжими усами, в грубой одежде. Я стою на коленях, руки сзади скованы. Поднимаю лицо, глядя на него, длинные волосы, слипшиеся сосульками, усиливают мой злобный взгляд. Именно этот взгляд и привлек его внимание. Он забрал меня и еще четверых на свою крокодиловую ферму.

Когда мы прибыли, я увидел загон, где живут в воде крокодилы. Он просто кишит ими. Есть загон для маленьких. Хозяин рассказывает, что влияет на их кожу. Кожа огромных старых самцов крокодилов, у которых грубые толстые наросты, идет на панцири и другие серьезные изделия. А кожа молоденьких крокодыльчиков более тонкая, нежная, совсем светлая, бывает разных цветов. Крокодиловое мясо тоже используют, местные едят. Работа опасная. Мы постоянно находимся под надзором в одной клетке с этими монстрами. Нельзя зевать ни минуты – или окажешься в пасти чудовища. Они не нападают часто, но возможность такая всегда есть, поэтому надо быть очень аккуратным. Не знаешь, что придёт в голову этим зверюгам. Я нахожусь в постоянном напряжении, всегда начеку, в состоянии охоты и обороны, это очень заводит. Это сделало меня самого резким, агрессивным. Я сам стал похож на крокодила, и мне нравится их убивать, давая выход адреналину. Года два я занимался кормежкой, отловом, сортировкой, наблюдением. Только потом меня научили, как их правильно убить и разделать. Однажды у меня на глазах крокодил сожрал моего товарища – схватил его за ногу и утащил. Очень сильный, мощный крокодил – мы не смогли спасти товарища: держали его за руки, но крокодил всё равно вырвал у нас тело и утащил. Другие крокодилы тоже бросились, чтобы схватить добычу, но этот большой уволок ее в воду. Он не может расцепить пасть, чтобы обо-

роняться от других крокодилов, ведь тогда он выпустит добычу. Вода бурлит, словно вскипая, зверюги дерутся, шлепают хвостами.

Эта работа научила меня ловкости, осмотрительности, чёткости и выверенности каждого движения. «Хочешь жить – умей вертеться» – здесь эта фраза имеет абсолютно прямое значение. Я хотел жить, и я вертелся. Голова на 360 градусов, я выживал. Я заперт на небольшой территории вместе со страшными животными. То, что приходится быть внимательным к каждой мелочи, не дает мне возможности поднять голову и увидеть своё положение – что на самом деле я в тюрьме, в заключении. Я несвободен, не могу никуда уйти или делать то, что хочется. Хозяин позволяет выпить вечером виски, иначе здесь не выдержать. Я вхожу в свою маленькую каморку, выпиваю, расслабляюсь, вытягиваюсь на нарах, и больше мне ничего в жизни не надо. Мое состояние не даёт мне почувствовать свою несвободу и ограниченность. Я забываюсь и ни о чем не думаю. У меня будто нет возможности подумать, что за пределами моего мира в жизни есть ещё что-то интересное, ценное, светлое, радостное. Иногда на ферму приходит женщина, которая скрашивает нашу жизнь, но эта связь лишена теплых эмоций.

Мне уже за сорок, я возмужал, стал сильным. Благодаря моему проворству и опыту у нас с хозяином отношения ста-

ли не то чтобы дружеские или на равных, но я стал тем, кому он доверит любое дело на этой ферме. Это не значит, что у меня есть какие-то привилегии, но, по крайней мере, я чувствую его уважение ко мне. Это позволяет мне чувствовать себя человеком, а не рабом. Я провел здесь более двадцати лет и заслужил то, что хозяин иногда отпускает меня дойти до поселка. Там есть магазин, трактир, можно посудачить с мужиками, но я неразговорчив и нелюдим, резок и грубоват, не самый приятный собеседник.

Однажды, когда я стоял с бутылкой неподалеку от трактира, какой-то приезжий парень лет тридцати решил покрасоваться. Сначала он не цеплял никого конкретно. Здесь довольно суровая жизнь, хватает возможностей показать себя – и с лошадьми, и на ферме, – нам неинтересно меряться силами с недоумком. А он новенький, видимо, в его краях так принято. Сперва я не обращал на него никакого внимания. Но парня стало цеплять то, что его игнорируют, и, поскольку я был один, угрюмый, погруженный в себя, он выбрал меня своей жертвой: «Ну чего ты, дед? Ну давай!» – оскорбительные фразы полетели в мой адрес. Я какое-то время сдерживался, понимая прекрасно, что мальчишка того не стоит, но инстинкт сработал, и мы сцепились всерьез. Я его хорошо прижал, придушив рукой. Когда он стал хрипеть и си-неть, понял, что я не шучу, он струхнул, достал из сапога нож и вонзил его мне между ребер. Наблюдавшие возмутились:

«Ты чего наделал? Фредди не ангел, но он наш. Он не самый компанейский парень в округе, но наш, а ты пришлый, да ещё лезешь на рожон». Парня скрутили и отправили к шерифу. Мне пытались помочь, я был ещё в сознании, но потерял много крови, начались судороги, и я умер.

Не чувствую с их стороны скорби и сожаления, это лишь неприятное происшествие. Они поняли, что мой хозяин будет очень огорчен: я был хорошим работником, на которого можно положиться. Это потеря для фермы. С другой стороны, жизнь есть жизнь, от этого не убережешься, незаменимых нет. Меня закопали в сухую красноватую землю. Человека четыре постояли, сняв шляпы, выкурили по папиросе, положили на могилу самокрутку и разошлись по своим делам. Я наблюдаю за этим сверху. У меня ощущение, что я настолько привязался к этой клетке с крокодилами, что мне трудно отсюда уйти. За мной приходят двое и говорят: «Ну, крокодилий папа, давай уже домой». Я оглядываюсь на них. Мне в этот раз сложнее переключиться с одной реальности на другую. Они смеются и шутят надо мной, в том числе и для того, чтобы помочь мне в этом. А я, как слегка контуженный, залип в этой физической жизни.

Я с ней плотно сросся, для меня как для души самые яркие моменты – это крокодилы, их шкуры на ощупь, деревянный помост, по которому я ходил, стук сапог о него, грязная

жижа, кишащая крокодилами, мясо, все связанные с этим запахи, Джек Дэниелс, тоже неразлучный товарищ, такой привычный и родной, еще какое-то местное пойло. Курить очень любил. Душа уходит из этой жизни, смакуя физические ощущения, столь ценные для мужчины, которым я был. Поднимаясь наверх, я понемногу перестраиваюсь на более тонкий план. Мои сопровождающие отпускают шуточки на тему того, что я слишком сильно провонял крокодильным мясом, пойлом и куревом. Они так себя ведут, будто им безразлично, что я такой чумазый: «Ты, парень, слишком сильно залип в этом, иди-ка очищайся». Я пока ещё не полностью вернулся сюда и следую тому, что они говорят, понимая, что им стоит довериться. Попадаю в пространство, в котором с меня уходят поверхностные наносные энергии, более плотные, как коричневые лохмотья, следы прожитой жизни, а на душе появляется отпечаток заскорузлой крокодиловой кожи, со вкусом виски и табака.

Дальше я беседую с Наставником, он спрашивает: «Зачем ты ходил, чем была для тебя эта жизнь?» – «Я познал вкус несвободы». – «А в чем была несвобода?» – «В том, что моё внимание было привязано к условиям жизни, это не позволяло поднять голову и оглянуться вокруг». Несвобода была не в том, что я был заключен на ферме, а в несвободе моего сознания. Она может быть разной. Люди привязываются к чему угодно, например к драгоценностям, вещам, жи-

вотным, местам, становятся зависимыми от своих привычек и пристрастий. А свобода – это когда ты можешь выбирать, о чём тебе думать, какие принимать решения. Если ты прикован к масс-медиа, – ты думаешь так, как говорят в телевизоре, одеваешься, как показывают в журналах, следуешь тому, что модно сейчас. Это тоже несвобода, своего рода заключение. Я прожил это в жестко утрированной форме, у меня не было вариантов выбора и возможности избежать своей участи. Мне нужно было прожить этот длительный опыт от начала до конца. Он меня слегка скукожил, сделал жёстким и твёрдым, как кожа старого матёрого крокодила.

Но, как ни странно, я чувствую, что этот опыт придал силу и твёрдость моей душе. Можно сравнить молодого, лёгкого, гибкого юношу и зрелого уверенного в себе мужчину, который твёрдо стоит на ногах и благодаря пройденному опыту понимает, на что он способен, что может, чего не может, он чётко знает, чего он достоин и кто он есть. Я чувствую появившуюся в душе силу и уверенность, она понимает, на что способна и что может теперь.

Светлана: *Если ты со стороны посмотришь на душу после этого опыта, изменились ли как-то ее цвет, энергии?*

Этому воплощению присущи коричневые цвета: табак, виски, крокодилы, мутная вода – все картинки в коричневой

гамме. И душу я тоже вижу с коричневатым оттенком, загрузившую немножко. Ощущение твёрдости и жесткости. Мне оно нравится, поскольку я даже в погружениях замечаю, что говорю о себе в мужском роде, и большая часть моих опытов, которые мы просмотрели, мужские. Видимо, у души больше мужских качеств, поэтому мне нравится это состояние. Оно придало больше мужественности.

Я также вспоминаю запахи алкоголя и табака, который любил курить. Любопытно, что сейчас на контрасте приходят другие запахи. Я представляю, что, например, джентльмен в смокинге с бабочкой и с сигарой будет пахнуть совершенно иначе и те места, где он обитает, пахнут иначе, более утончённо. И уровень сознания людей высшего общества гораздо выше. Они чувствуют эти запахи, воспринимают и ценят их иначе, потому что это, в том числе, показатель их статуса. Для Фредди запахи – это часть грубой, осязаемой, плотной материи. Для джентльмена запахи служат лишь фоном его мыслей, разговоров, событий, происходящих в его среде. Любопытно, что одно и то же ощущение физического тела имеет разное значение и разную интенсивность в разных воплощениях. Для мужчины, у которого мозг не особо задействован, это яркие воспоминания. Для мужчины же из высшего общества, живущего на уровне ума, эмоций и сознания, они будут иметь гораздо меньшее значение. Это то, о чем моя душа думает, находясь в Мире душ. Мне было бы

интересно это поисследовать.

Светлана: *Какой вывод Наставник сделал для тебя в разговоре после этого воплощения? Сказал ли что-то важное?*

Во-первых, он отметил, что для меня было ценным познать контраст между свободой и несвободой. В воплощении индийца Джи свобода выбора была проявлена очень ярко, а здесь была полная несвобода. Этот контраст дает мне большее понимание темы и, как следствие, больше осознанности в принятии решений как душой, так и моими персонажами в дальнейшем на основании полученного опыта. У меня есть опыт, на основании которого я могу дальше действовать немного иначе, чем до этого. Я чуть-чуть познал эти механизмы, но, конечно, не в полной мере.

Светлана: *Как чувствует себя душа после того, как вернулась в пространство Мира души и пелена опыта немного спала, когда ты пришла в себя?*

Я чувствую налет взросления, который появляется на душе. Меньше и меньше становится азарта, с которым она кидалась в воплощения, когда только родилась. Сейчас становится более спокойной, взвешенной и степенной.

Светлана: *Был момент, когда сопровождающие сказали*

тебе: «Иди, восстанавливайся после этой жизни». Где восстанавливалась твоя душа и каким образом?

Это пространство ничем не ограниченное, но по ощущениям больше похоже на сферическое, залитое белым светом. Он проходит через меня как световой душ и растворяет наносное, грубое, лохмотья астрального тела.

Светлана: *Посмотри, в этом воплощении кто-то из близких или родственных душ сопровождал тебя?*

Не вижу родственных душ. Самым главным персонажем был рыжий хозяин крокодилей фермы, но это не родственная мне душа, я его не знаю. Мы просто играли в «одном спектакле», но не связаны какими-либо обязательствами, у каждого были свои задачи.

Лучано, владеющий запахами

Потихоньку вырисовывается предстоящее воплощение во Флоренции. Это мужчина в черном ритуальном масонском плаще, подбитом красным атласом. Он имеет отношение к запахам, которые оказывают необычное воздействие на людей, вызывая определенные чувства или физиологические реакции. Обладая такими знаниями, можно легко манипулировать людьми и их поведением.

Я рождаюсь у женщины по имени Бригитта. Меня зовут Лучано. Большой городской дом, роскошная кровать под пологом. На улице весна, всё цветет и воздух наполнен дивными ароматами. Моя мать внимательно и придирчиво относится к тому, какие запахи витают вокруг. Она даже истерику может устроить, если не так пахнет. Она особа эмоциональная и экзальтированная, ярко выражает свои чувства и эмоции. Бригитта любит ребенка, но он раздражает её своим плачем. Когда что-то происходит не так, как ей хочется, она закатывает глаза и для кормилицы это знак, что ребенка надо убрать подальше. Отношение к запахам, умение различать их тонкие оттенки – это и моя наследственность, и образ жизни, привитый с детства. Любое оброненное матерью слово, реакция на тот или иной запах, их названия – всё впитывается с младенчества, становится частью меня.

Я молодой человек семнадцати лет, знатен, галантен, и мне нравится наблюдать за людьми. К моему возрасту я хорошо освоил одну штуку: умею, приглядевшись к человеку, понаблюдав за ним, почувствовать его внутренние характеристики, сложение, особенности характера и физиологии. И я могу подсказать, какой запах очень хорошо подойдет ему. В частности, это касается девушек и женщин. Они этим пользуются, спрашивая у меня, что бы я порекомендовал. И я очень точно подбираю для них ароматы, которые наиболее ярко могут раскрыться именно на их коже, придавая то качество, которое им хочется. Чаще всего, конечно, они стремятся привлекать мужчин. Я разговариваю с ними об их мужчинах и умудряюсь подобрать такой запах, который срабатывал бы именно для НЕГО (по описанию женщины). Пока я молод, для меня это лишь игра и отличный способ привлекать женщин. Они приходят ко мне за советом, слушают, открыв рот, и я чувствую себя богом. Я молод, красив, элегантен и умею наслаждаться жизнью в полной мере.

Флоренция в данный момент – серьезный парфюмерный центр. Здесь производится много экстрактов, эликсиров, ароматов, ингредиентов для их составления. Есть семьи, которые этим занимаются из поколения в поколение. Они имеют давно сложившееся имя, репутацию. Некоторые же не боятся исследовать и экспериментировать, открывать что-то

новое.

Годам к двадцати четырем я стал более взрослым, меня уже не так сильно привлекают игры с жеманством и кокетством в салонах с молодыми девушками. Хочется чего-то более серьезного и интересного – того, что будет занимать мой ум, что будет заставлять что-то придумывать и показать не просто свои способности, дарованные природой, а реальные достижения, за которые меня будут уважать, принимать в обществе. Я раздумываю над тем, в какую сторону мне направить свою деятельность. Наша семья тоже занимается парфюмерией. Глава предприятия – отец, но я его почти не вижу, расту с матерью. И свои первые эксперименты я провожу над ней.

Иногда она страдает мигренями, а может, это приступы экзальтации. Она впадает в истерическое состояние, ее сложно успокоить. И я решил подобрать такую композицию, которая бы ее успокаивала, умиротворяла и прекращала ее истерики. И вот я пробую разные смеси и незаметно для матери наблюдаю за их действием. Была смесь, от которой она спала. От другой оказывалась в совершенно дурном расположении духа. Были смеси, на которые она не сильно реагировала. Была такая, от которой она веселела, становилась беззаботной, – её действие сродни марихуане. Я что-то сильное туда добавил. Конечно, я опасаясь, не будет ли это иметь по-

следствия, можно ли человеку часто находиться в таком состоянии. Но это можно проверить только эмпирическим путем. У меня есть большая серо-коричневая крольчиха. Вдоль ушка, по кромке, у нее светлые палевые полосы, очень красивая. Я наблюдаю за ней. Она постоянно находится под воздействием запаха, который веселит мою маму. Мне нравится действие этого аромата. Но тревожит то, что мать становится не совсем собой, какой-то странной.

Так я вовлекаюсь в семейное дело, но пока не включаясь в коммерческие дела отца, обособленно занимаясь своими опытами. Отец не хочет, чтобы я вмешивался в деятельность его предприятия. Но ему нравится, что я интересуюсь именно этим и занимаюсь сам собой. Ему отранно осознавать, что, когда придет время и он состарится, предприятие перейдет в руки человека, который в этом понимает и сможет продолжить его деятельность.

Итак, я нахожусь в комнате с кирпичными стенами: столы, химическая посуда, колбы, реторты, испарители, экстракторы, трубочки, очаг с огромным медным сосудом внутри, большие окна, которые можно открывать, чтобы проветривать. Я пробую свои ароматы на разных людях в салоне при общении и наблюдаю за тем, что с ними происходит. Так я создаю вещества, которые воздействуют на человека. При чем доставляю их объекту весьма изощренными способами:

могу подарить даме пропитанный ароматом веер или красивый кружевной платок, который она прижимает к лицу, губам и таким образом получает нужную дозу. Это может быть цветок. О, отличная находка! Я не знаю, придумал ли это сам или подсмотрел у кого-то, но я научил своего подмастерье делать цветочки из папиросной бумаги. Пропитывая нужными ароматами, я преподношу их дамам. Естественно, они из вежливости, в знак уважения прикалывают их к груди или теребят в руках и вдыхают ту смесь, которую я им подсовываю. Я могу сделать даму раздражительной, разозлить ее, возбудить сексуально или расслабить и успокоить. Женщина не понимает, что с ней происходит, но её тело бунтует. Одна дама даже испугалась, ей стало неловко, и она уехала домой с приема. Одну юную леди я довел до слез, она впала в меланхолию и так горько плакала, не понимая, почему заливается слезами.

Я чувствую триумф, видя, насколько сильны мои смеси, как мощно они воздействуют на человека, и всё больше и больше чувствую себя богом. Мне нравится играть в эти игры. Ещё вижу одну женщину, которую я сделал очень раскованной, беспрестанно хохочущей и доступной для любого мужчины. То есть с помощью запахов и своих смесей я могу сломить волю человека. Насколько же сильное оружие в моих руках! Когда я почувствовал силу власти над людьми (примерно в тридцать два года), мне стало интересно пойти

дальше – туда, где решаются серьезные финансовые и политические вопросы, и попробовать свои снадобья не на женщинах, а на влиятельных мужах – политиках, высших чинах церкви. Там же знатнейшие сеньоры нашего города, надо быть аккуратнее! Если женщинам я легко мог построить глазки, сделать комплименты, они тут же теряли бдительность, таяли, мне легко было ими манипулировать, то здесь придется освоить новый уровень мастерства. Мало того, что нужно заставить человека вдыхать аромат, важно сделать это осторожно, более утонченными способами. Ведь если кто-то заподозрит меня в подобных вещах, то меня ждет серьезное наказание и однозначное изгнание из высшего общества Флоренции.

Один из способов – это капнуть капельку на кончик сигары, но важно учесть фактор горения. Нужно подобрать такую смесь, которая будет работать при горении в сочетании с табаком. Вот с этим пришлось повозиться, придумывая нужную формулу. Как всегда, выручает кружевной платок, но он работает не так хорошо, как у женщин. Проще всего взять бокал, в котором подается напиток, и на его край нанести тонким слоем нужную смесь. Тогда, выпивая, мужчина подносит бокал к лицу и вдыхает аромат.

Итак, у одного я вызвал агрессию. Он взвился и вызвал кого-то на дуэль, стал вести себя вызывающе, несдержанно,

грубо. Одного пожилого господина я усыпил. Естественно, всё это я делаю в разное время, в разных ситуациях, чтобы не привлекать к себе внимания и не вызывать подозрений. Довольно просто вызвать легкое состояние эйфории, расслабленности, когда человек теряет контроль, бдительность и становится очень легко доступным для любых взаимодействий и манипуляций, снижая уровень контроля сознания и критичности к тому, что происходит. С этим уже можно играть по-крупному. Если с женщинами можно с помощью моих снадобий открыть дверь практически в любую спальню, то здесь ставки иного характера: я могу взять большую сумму, повлиять на мнение о другом человеке, на принятие решений.

Во Флоренции проходят собрания, где принимаются законы города и ближайшего округа, и я с помощью своего воздействия могу повлиять на это, даже не входя в него. Стоит только внушить под действием определенной смеси мысль, которую этот человек уже дальше продвигает как свою. Меня это забавляет. Действительно чувствую себя богом – я могу всё! У меня было ощущение, что я полностью управляю всем, что происходит в этом городе, и всеми людьми. Естественно, на заднем дворе моего сознания где-то мелькает мысль, что на самом деле это не так – это тоже моя иллюзия, игра, но мне очень нравится чувствовать себя всемогущим. Обратная же сторона могущества – одиночество. Ко-

гда обладаешь подобной властью и можешь манипулировать людьми, находящимися в твоём окружении, получается, что среди них нет равного тебе. Находясь на верхушке власти, ты оказываешься очень одиноким. Иногда мне тоскливо от этого.

Еще дальше, как следующий уровень моего мастерства, я задумываюсь о более опасной игре – тайном обществе с таинственными ритуалами и реальными опасностями. Я стал искать кого-то, кто был бы причастен к масонской ложе. Я собираюсь раскрыть такому человеку свои способности и возможности и предложить свои услуги. Весь превратился в наблюдение, пытаюсь подметить тайные знаки в общении, одежде, некие странности. Мое внимание привлек сеньор Лоренцо. Его черные кудрявые волосы ниже плеч и гладко зачесаны назад. Он высокий, худой, окруженный ореолом загадки, притягивающим к нему внимание. Довольно скрытный тип, и мне показалось, что он может быть именно тем, кого я ищу. Сработала внутренняя чуйка, интуиция. Я стал более пристально наблюдать за ним. Он это заметил и воспринял как опасность.

Однажды, когда я попытался за ним следить, он меня поймал. Спрятался в нише здания и, когда я подошёл ближе к этому месту, он выскочил оттуда. У него под плащом было оружие (возможно, кинжал), он его не показывал открыто,

но дал понять, что, если нужно, он готов пустить его в ход. Попросил меня объясниться, зачем я за ним слежу. Я пошел ва-банк – всё или ничего. Решил ему открыться. В любом случае это человек непростой, не из тех, кто бурно и активно вовлечен в политическую и экономическую деятельность города. Он всегда остается в тени и был бы мне интересен как собеседник и партнер, мне так не хватает общения на равных. Когда я высказал своё предположение, что принял его за члена масонской ложи, и рассказал, что ищу такого человека, он меня осмеял, сказал, что всё это чушь и бред. Но я понял, что, если он является тем, кого я ищу, он именно так и будет отвечать и реагировать. Это меня, скорее, приободрило.

Я пустил в ход очень сильное оружие – искренность, и оно сработало. Я полностью осознавал, что делаю и для чего, что я могу быть полезным где-то еще, в области, которая имеет важное значение. Рассказал, что могу делать и как это можно использовать. Я почувствовал, что у моего собеседника буквально волосы встали дыбом, он словно встал в стойку, как охотничья собака, почуявшая дичь. Я почувствовал, как всё его тело напряглось и как он старается не выдать своего волнения.

У Лоренцо пролетает в голове тысяча мыслей, как это можно применить, развернуть, как проверить Лучано и по-

нять, что это не ловушка. Он понимает, что рядом с ним сильный человек, обладающий серьезным оружием, и он будет идиотом, если упустит его, даже если это блеф или обман. Естественно, он должен принять все меры предосторожности, перестраховаться на нескольких уровнях. Мы договариваемся о встрече. За мной в назначенный час приезжает карета, мне сказано быть одетым в плащ и маску, никто из приезжающих в ложу не может быть узнан. Но, как я понимаю, это всё антураж для внешнего круга, это не сама масонская ложа, куда пробраться очень трудно и занимает много времени и сил. И никто не пустит туда с порога непроверенного незнакомца.

Я вхожу в зал, где много мужчин в таких же черных плащах, подбитых красным атласом, они в масках. В центре на троне восседает магистр. Он объявляет, что сегодня нас ждет феерия, он желает посмотреть, что же я такое, что за инструментом владею. У меня с собой чемоданчик со снадодбьями в маленьких пузырьках. Здесь всё сложнее, ведь под маской я не могу увидеть человека, его глаза, движения и оценить его темперамент, характер. Мне приходится больше полагаться на интуицию и, кстати, на запах тоже. Я чувствую запах тех людей, к которым приближаюсь, и по нему я тоже определяю их параметры.

Так я выбираю несколько человек, которым даю понюхать

разные смеси, и мы наблюдаем за их реакцией. Я даю им сильную дозу, и яркая реакция заставляет удивляться магистра, восхищаться и в то же время трепетать. Мое самолюбие полностью удовлетворено. Я вижу, что мой талант оценен по достоинству и что мне удалось удивить такого высокопоставленного человека. Магистр понимает, с чем он имеет дело, и очень быстро и умело трансформирует эту демонстрацию в привычную для сего круга мистерию – яркую, эмоциональную, которая увлекла бы всех присутствующих, чтобы они могли позабыть, что сейчас произошло. Он приказал устроить бурную мистерию, чтобы как можно сильнее смазать впечатления о случившемся.

Со мной он пока не разговаривает и не проявляет никаких активных действий, занимает позицию наблюдателя. Забавно, но теперь я объект для изучения и наблюдения. Он думает, как ему поступить, чтобы извлечь максимальную выгоду и не попасть впросак, не стать более уязвимым. Ведь человек, находящийся рядом и обладающий такой властью как минимум вызывает страх и подозрения. Он хочет прежде понять меня, раскусить, что я за человек и что мне нужно, в чём моя суть. Я чувствую его нерешительность, будто весы принятия решения колеблются то в одну, то в другую сторону, словно это поворотный, решающий момент в моей жизни.

Мне сорок восемь. Всё, что было в моей жизни до этого, уже не так интересно для меня, я в это наигрался: власть над женщинами, над мужчинами, над политикой. У меня ощущение, что это я мышь, попавшая в клетку. Может, мне не нужно было сюда приходить? А с другой стороны, уже неинтересно оставаться там, где я есть. Наверное, я не из тех людей, которые могут наслаждаться своими достижениями, мне каждый раз нужно идти к новой цели, решать всё более сложные задачи. Сейчас это лотерея, успех в которой зависит не только от меня, но в большей степени от решения масонов.

Магистр думает, как же запустить лапы в мой волшебный сундучок, не владея его секретами. Попасть во власть или зависимость от незнакомца не хочется. Он пытается решить эту задачу, заставляя меня ждать. Проходят недели. Меня это злит и выматывает. Иногда я думаю: «Слава Богу, что пока ничего не происходит». В итоге магистр принимает решение. Он такой же одиночка, как и я. Человек, обладающий большим весом и властью в обществе традиционном, и Мастер масонского ордена. На нём лежит огромное бремя власти. И он решает довериться мне, приблизить к себе. Он прекрасно понимает, что идет на огромные риски, но его внутренний голос подсказывает ему, что это вполне приемлемый вариант.

Начинается период жизни, который мне очень нравится. Он напоминает времена юности, когда я с азартом делал свои пробные шаги, открывая воздействие запахов на сознание и поведение человека. Теперь же я увлечен общением на равных с человеком, который во мне заинтересован. Мне он тоже интересен и как человек, и как собеседник моего уровня, и как нечто в моей жизни, что её меняет и поднимает меня на уровень выше. Мастер задает много вопросов, ему всё интересно, но я всегда остаюсь начеку, стараясь не выдавать самых важных секретов, проходя по грани того, что открыть можно, а что нет. Открыть достаточно много, чтобы ему было интересно и он мне верил, но в то же время умудряясь оставлять сокрытыми свои самые дорогостоящие тайны. Мастер тоже понимает, что есть та грань, за которую я его не пущу – так же, как и он меня. Наше общение походит на партию в шахматы. Каждый знак, фраза могут нести совершенно разные контексты – как ребусы или загадки. Это заставляет быть всегда начеку, думать и размышлять, быть собранным и не позволять себе расслабиться. Мы друг друга стоим.

Мне кажется, что Мастер – это душа моего Наставника, который воплотился в эту жизнь, чтобы пройти ее со мной. Он дал мне небольшой мастер-класс, находясь внутри воплощения. Это здорово разгоняет мое мышление, ум, заставляя его работать порой на пределе, сильно напрягает, но де-

лает сильнее и мощнее. Он чувствует во мне большой потенциал, и мы становимся всё ближе и ближе друг к другу, но не эмоционально, а как люди «из одного теста».

До меня доходят сведения об интригах, в которых участвуют масоны. Я наблюдаю за последствиями их решений в обществе и пытаюсь сложить общую картинку. Как правило, это не удастся, потому что мне доступны лишь разрозненные мелкие детали, по которым сложно что-либо собрать, и я всё больше и больше осознаю, насколько масонская ложа сильна и влиятельна. Это монстр, в который крайне сложно проникнуть, и непросто постичь смысл его и задачи, которые они решают. Я постоянно чувствую, что вижу лишь маленькую верхушку айсберга, а то, что скрыто от меня, в разы глубже, серьезнее и масштабнее.

С возрастом меня стала мучить подагра, и я потихоньку превращаюсь в немощного старика, страдающего от жутких болей. Мне делают припарки, больно, трясутся руки. Я совсем старый и страшный, уже давно не выхожу из своего дворца. Иногда меня посещает мысль о том, что я был настолько увлечен своим делом, играми и интригами, что не подумал о семье. У меня не было жены, я совсем один, но не сожалею об этом. На самом деле мне нравится моя жизнь. Оглядываясь назад, я вижу себя честолюбивым юношей, любопытным и способным, вижу свой путь, как рос

и развивался, те возможности, которыми я сумел воспользоваться, и высоты, которых достиг. Быть с Мастером масонской ложи на короткой ноге дорогого стоит. И даже находясь в старом немощном подагричном теле, я упиваюсь своей жизнью, тем, какой она была. Меня абсолютно не терзают сомнения или угрызения совести по поводу далеко не всегда чистых и честных деяний. В этой жизни было много манипуляций, нечестных сделок и неэтичных поступков в отношении людей, но я воспринимаю это как должное.

Лежу в постели и ругаюсь: «Черт возьми! Ты заберешь меня уже или нет? Надоело тут мучиться!», – ноги выкручивает, они ужасно болят. Я понимаю, что самое лучшее позади, осталось лишь доживание скрюченным старикашкой. И в какой-то момент мне стало так спокойно и хорошо, перестали заботить те вещи, которые происходят вокруг: спящие слуги, бесконечные припарки, разговоры полушепотом. Я будто отрешился от внешнего мира и чувствую свет впереди. Не я двигаюсь, а свет влечет меня, я лишь следую за ним. Меня сопровождают образы из прожитой жизни, сцены моей молодости. Состояние полной безмятежности, блаженства и растворённости в том, где я есть.

Я возвращаюсь в Мир душ с осознанием того, что я вволю потешил свое эго, максимально прожил состояние самости, своей важности и значимости, того, что я Бог, могу управ-

лять и повелевать людьми и они будут делать всё, что я захочу, как марионетки в моих руках. Мое самолюбие тешили и дружеские отношения с Мастером масонской ложи. Я так и не стал масоном, не был принят в ложу, но был личным приближенным Мастера. Он меня прибрал к своим рукам, ему не хотелось делиться мной с кем-то другим, чтобы кто-то еще мог воспользоваться столь мощным инструментом. Опыт жизни парфюмера ценен ощущением своей самости и божественности в физическом теле человека. Это не слияние с Богом, а именно «я отдельный, я Бог». Это новый и интересный для меня опыт.

Ещё мне нравится, как закручивается сюжетная линия души в том моменте, что я через запахи перешла к такому интересному воплощению. Связующей нитью оказались запахи, их восприятие разными людьми. Всё-таки запахи – это хоть и тонкая, но очень физическая, плотная материя, как ещё один инструмент, которым пользуется душа, находясь в воплощении.

Светлана: *Были ли любовные отношения у твоего персонажа в этой жизни?*

Не было отношений и любви как чувства вообще. Была тотальная увлечённость игрой, манипуляциями и своей самостью настолько, что романтика не могла возникнуть. У него было много женщин, он мог иметь любую, какую хотел, –

любого сословия и уровня. Для него это не имело ценности. Физически – да, эмоционально – нет.

Светлана: *Зачем нужны мучения и болезни перед смертью? Душе они нужны?*

В данном случае для души я не вижу никакой пользы в этом или особого смысла. Это естественное увядание человеческого тела, естественный патофизиологический процесс, соответствующий тому образу жизни, который он вел. Телу нужно в определенный момент умереть, а душе вернуться домой. Каким образом это происходит, не имеет значения. Это могла быть любая другая болезнь или несчастный случай. Исходя из данных этого тела с его генетикой, был выбран такой выход.

Светлана: *В пространстве Мира души была ли встреча с Мастером-Наставником?*

Очень тёплая встреча. Я безумно рад как душа встретить Наставника, поняв, что он там был со мной и что мы так здорово повзаимодействовали. Невероятное чувство тепла, любви к нему и безмерная благодарность за то, что он со мной так поиграл. Это позволило мне раскрыться, шагнуть на ступень выше в развитии как человеку и как душе тоже. Это значимый опыт для меня – поддержание ума, сознания в остром и постоянно напряжённом состоянии. Для На-

ставника же это развлечение, как взрослые играют с детьми в игру, которая им тоже интересна, и получают удовольствие от самой игры и от того, что они помогают расти и развиваться своим ученикам.

Светлана: *Есть ли еще какие-то важные выводы в странстве Мира души?*

Я чувствую восторг, крайнюю степень удовлетворённости насыщенной жизнью, полной опыта и с весьма интенсивной динамикой развития. И опять-таки новый опыт своей самости и божественности. С позиции души это выглядит очень странно – чувствовать себя отдельным от Бога и в то же время столь самоуверенным. В этом огромная ценность прожитой жизни.

После воплощения душа всё еще продолжает думать о роли и значении запахов. Возможно, это связано с тем, что запах – некая пограничная форма материи. Это физическое, материальное вещество, которое мы можем ощущать с помощью тела, и в то же время запахи тонки, невидимы, легки и занимают промежуточное положение между физическим и тонким миром.

Моя душа пытается вспоминать или представлять себе те опыты, которые она прошла сама либо узнала от других, как может пахнуть та или иная эпоха, культура, какие запахи

присущи разным местам и историческим временам. И даже представляет в воображении карту запахов планеты Земля. На Земле есть запахи тонкие, плотные, более живые, колючие, разные. А если не Земля, то как это может быть иначе в других мирах. Мне пришло название «Титаниум». Что-то небольшое, похожее на спутник планеты. Я присматриваюсь к нему.

Скала на Титаниуме

Титаниум небольшой, на нем есть кратеры, он не идеально круглый, горбатенький и холодный. Скорее всего, там нет атмосферы, но я вижу, возможно, на тонком плане, легкую дымку вокруг холодного камня. Пока мне сложно понять, чего хочет душа. Она разглядывает, прислушиваясь к холодной глыбе. Её притягивает опыт неживого тела, но чувствуется нерешительность.

И вот я уже внутри. Я – скала на Титаниуме. Каменная глыба с тёмной слоистой структурой, гладкой глянцевой поверхностью, напоминающей феррит с синеватым отливом. Мне приходится прилагать усилия, чтобы выныривать оттуда и продолжать рассказывать, потому что, когда туда погружаешься, все мысли исчезают. Темнота, холод, безмолвие, чёткая структура и фоновый звон, похожий на гудение проводов. Это не звук, а состояние вещества. Я не знаю, это камень или металл. Может быть, что-то среднее.

Вижу, как другая каменная глыба врезается в поверхность очень близко к моей скале. Нет грохота и звуков. Разлетаются мириады осколков. Но у меня как у скалы, созданной из черно-синего вещества, есть ощущение, что то, что прилетело, – другое. Оно более светлого, коричневого оттенка.

Если я слоистый и острый, то прилетевший метеорит имеет форму скругленной треугольной глыбы, более рыхлой и пористой, чем я.

Сейчас оно находится в воронке у подножия моей скалы. Долгое время мы остаемся в холодном безмолвии, чувствуя присутствие друг друга. Прежде моё сознание находилось внутри скалы, в тёмной холодной пустоте, где есть только тонкий звон, внутренняя вибрация вещества, а теперь оно выходит за её пределы, оставаясь связанным с ней, и тянется к глыбе. Это отдаленно напоминает человеческое любопытство, проявление внимания, но в очень слабой степени и долгое по времени. Если переводить в земные измерения, то годами, десятилетиями или больше. Если в предыдущем воплощении я мог активно вмешиваться в среду и менять ее, взаимодействовать с веществами, влиять с их помощью на людей и события, то нынешнее состояние интересно тем, что я не могу ничего делать – ни изучать, ни влиять, ни вмешиваться. Могу лишь осознавать присутствие чего-то иного, не испытывая никаких чувств при этом.

Эта ситуация напоминает соседство в современных больших городах. Каждый человек сам по себе уникален и удивителен, каждый человек – это целый мир, вселенная. Люди живут скученно и тесно, в квартирах друг над другом и рядом, каждый день пересекаются на улице, в транспорте, ра-

ботають в офісах, но они словно параллельно проходят мимо друг друга каждый день, не касаясь, не взаимодействуя. Они чувствуют, что рядом есть другие и их много, но взаимодействия не происходит.

Моя душа, находясь в скале, путем безмолвия пытается постичь нечто важное. То, что прилетело, имеет другую, более мягкую структуру. Проходят сотни лет, и метеорит постепенно разрушается, рассыпаясь, оплывая и заполняя собой впадину, которая образовалась при его падении. Я чувствую его всё меньше и меньше, сигнал, исходящий от него, становится слабее и слабее. Он остается лишь пыльным пятном рядом с моей скалой.

За сотни лет я привыкаю к нему. И то, что наполняет мое внимание, смазывается, оставляя лишь легкий шлейф, который становится незаметным. Где-то в глубине сохраняется память, что нечто пришло извне, оно было другим, но стало привычной частью этого места. Наверное, нечто похожее происходит между людьми, когда они встречаются и надолго остаются вместе. Они всегда ощущают, что рядом есть кто-то другой, но постепенно так привыкают друг к другу, что каждый становится привычной частью мира другого и уже меньше уделяет внимания и фокусируется на нём. Это ни хорошо, ни плохо, просто так есть.

Я чувствую, как сознание внутри скалы словно засыпает.

Сотни лет нахождения в ней сделали меня инертным, мне не хочется никуда двигаться. Пустота, темнота, холод – так хорошо. Но откуда-то издалека пробиваются тонкие слабые воспоминания о бурных жизнях в человеческих телах, там море эмоций, движения, действий, переживаний самых разных. Сознание отмахивается от них, как от назойливых мух, не хочется отсюда уходить.

Еще одна причина, почему я меньше обращаю внимания на метеорит, – я чувствую, что там больше нет сознания. Поэтому оно и стало частью этого места. Получается, что внимание сознания привлекает именно другое сознание. И даже если нет взаимодействия, но есть хоть малейший намёк на его возможность, пусть даже вот так просто находиться рядом и чувствовать, что есть кто-то ещё, – это меняет внутреннее состояние. Как человек, живущий на необитаемом острове, будет совершенно иначе вести себя, когда он один и когда присутствует ещё кто-то – человек, коза или попугай.

Возможно, исследуется контраст между воплощениями. В жизни Лучано было активное взаимодействие и влияние друг на друга, на Титаниуме же минимальное. Находясь в этой скале, я понял суть экзистенциального состояния, когда ты просто есть и принимаешь то, что есть рядом с тобой, не вмешиваясь, не меняя это, но наблюдая. В том числе, наблюдая то, что происходит внутри собственного сознания.

ния. И даже это есть некое движение, форма жизни, а не полный покой. Душа понимает, что ей пора покинуть Титаниум и вернуться, но не хочется. Ей нравится состояние покоя и уединения, отдалённости от всего остального мира, сильно отличное от жизни человеческой и вообще биологической. У меня есть ощущение, что душа дальше будет искать похожие опыты в биологических формах. Ей интересно само это состояние и его возможные формы.

Когда я возвращаюсь в Мир душ, в пространство своей группы, то продолжаю оставаться в состоянии скалы, ледяной глыбы. Входя в пространство группы, я словно заполняю его целиком, вбирая в себя всё и всех, кто там есть. Меня приветствуют молча, нет обычных шуточек, реплик, они мысленно прислушиваются к тому, что я есть, каким я вернулся, к моему состоянию, пытаюсь его считать и прочувствовать. Оно для них любопытно. Меня не тревожат, понимая, что то состояние, в котором я был несколько сотен лет, требует плавного перехода и возвращения. Я чувствую сознание Наставника, хихикающего про себя и понимающего, что я нашёл себе новую тему для исследований и опытов – одиночество и уединение. В его мыслях я чувствую, что он уже прикидывает, какие возможны варианты реализации этого на Земле в биологической форме, но я его словно притормаживаю, мысленно говоря, что я ещё не готов об этом думать, ещё рано.

Я надолго зависаю в состоянии скалы. Мне нужна помощь, чтобы очиститься от него. Я направляюсь туда, где обычно происходит очищение, – на ложе, омываемое сверху белым светом. Там я отогреваюсь, смягчаюсь, возвращаюсь в свои границы, в обычное состояние. Затем снова возникает интерес к исследованиям и я отправляюсь в библиотеку изучать в Книгах жизни всевозможные варианты опытов отшельничества, уединения и одиночества.

Светлана: *Интересный и неожиданный опыт. Душа начала исследовать бурный опыт человеческих жизней – и вдруг погружение в совершенно спокойное воплощение, безмятежное и долгое, сотни лет.*

В индуистской философии считается, что воплощения начинаются от минералов, потом происходят в растениях, животных и так далее. На самом деле жизни в качестве минералов, стихий, животных возможны и после человеческих воплощений. Иногда это отдых для души, иногда – решение определенных задач или наработка качеств, которые ей нужны. Бывает по-разному. Для меня самой такой поворот был полной неожиданностью. Вначале я надолго зависала и описывала события очень медленно, потому что проверяла себя: правда это или нет? Было странно, потому что до этого смотрели активные человеческие воплощения – и вдруг нечто совсем другое.

Ворон Карл в средневековой Европе

Ярко вижу образ ворона, летящего и сажающегося на руку человека. Пытаюсь понять, почему выбрала именно его. Он схож с образом скалы, в которой я находилась, – чёрные перья напоминают её слоистую структуру. Ворон – довольно умное животное, легко обучаемое, анализирующее свой опыт. К тому же это относительно короткое воплощение, не перегруженное излишними социальными деталями, как у людей, взаимодействующих с социумом. После длительного и уединенного воплощения в скале мне было бы сложно нырнуть сразу в человеческое тело. Это своего рода адаптационный этап возвращения в живое тело. Нет раздумий, целей, задач, анализа. Я нахожусь в состоянии пустого ума, и, чтобы его как-то оживить и взбодрить, меня отправляют туда.

Душа входит в яйцо, когда воронёнок там уже большой. Всё, что я чувствую, – это огромные глаза, клювик, и сверху крышечка – я закрыт в яйце. Это момент, когда уже вот-вот пора проклёвываться. Внутри возникает импульс, который заставляет меня двигаться, упираться. Когда я проклёвываюсь сквозь скорлупу, первое яркое ощущение – это воздух.

Он другой, не как в яйце, — свежий воздух и запахи. Первое, что я вижу, — ворона. Она привлекает меня движением: движется её голова, она перемещается в гнезде. Её образ впечатывается в моё сознание, я как будто «залипаю» на неё. Это самое главное, что есть для меня. Остального мира не существует. Есть только ворона — большая и черная. Именно она даёт еду, поэтому я должен быть сконцентрирован на ней, чтобы её получать. Как только она появляется, я автоматически открываю рот. Когда её нет, сижу тихо. Едва она появляется, сразу возникает оживление — тело работает на инстинктах, сознание отсутствует.

Чувствую, как изменилось тело. Я стал больше, появились пёрышки. Они другие, ещё не как у взрослых, короче. Мне хочется постоянно расправлять крылышки и махать ими, поднимать вверх. Я часто это делаю прямо в гнезде. Никаких мыслей, абсолютная безмозглость, но очень тянет за пределы гнезда. Однажды, когда упражняюсь и расправляю крылышки, я всё-таки прыгаю вниз, кувыркаюсь. Автоматически тело включается, машет крыльями. Это позволяет мне не разбиться и кое-как слететь на землю. Но я поймал ощущение, когда машешь крыльями и как бы зависаешь в воздухе, тормозишь. Потом я подпрыгиваю и машу крыльями. Чувствую, что сверху за мной наблюдает мама.

В какой-то момент внимание переключается на то, что

меня окружает, и включается сознание. Я вижу всё немного иначе, меняются запахи. Вокруг листья, ветки, что-то шуршит, на земле много интересного, есть вкусные червяки, жуки, листики. Просыпается любопытство, желание всё попробовать и изведать: что съедобно, а что нет. Я брожу среди кустов и деревьев. Вдруг раздаётся шуршание, я слышу тревожные крики большой вороны. Этот звук заставляет меня автоматически съёжиться и замереть. Через какое-то время ворона издаёт более спокойный звук и я понимаю, что опасность миновала, можно двигаться дальше. Осознаю, что есть поддержка сверху, меня охраняет мама, но еду добываю себе сам. Я часто машу крыльями, на веточку взлетаю, ещё выше и выше, небольшие расстояния пролетаю, либо вниз летаю. В какой-то момент у меня получается лететь. Я взлетаю и двигаюсь вверх и вперёд. Мне нравится. Причём стремление двигаться вперёд тоже находится где-то глубоко внутри, оно инстинктивное. Это не моё желание, всё само происходит.

Вижу человека, одетого в добротную, но странную одежду из кожи и многочисленных лоскутов. Это егерь, который занимается организацией охоты для своего господина. Меня привлекает его костюм из желто-оранжевой кожи, зелёной плотной ткани с крупным ромбовидным рисунком. Он тоже меня заметил. По поведению и внешнему виду он понимает, что я совсем молодой, недавно слетевший с гнез-

да, еще не пуганый. Он мягко и аккуратно приближается, приманивает меня ароматным кусочком сала. Я любопытный, неопытный и доверчивый. Он ловит меня, схватив рукой за лапы. Я начинаю биться и трепыхаться, но он аккуратно складывает мои крылья и успокаивает. Подносит к лицу, внимательно разглядывая. Я тоже изучаю его, чувствую сильный, необычный для меня запах человека. Сила его человеческая, которую я чувствую, словно имеет власть надо мной. Это не есть импринтинг, как было с мамой вороной, это что-то другое, хотя и похожее по механизму. Сильное впечатление, которое впечаталось в мою память.

Таких людей называют заклинателями – змей, лошадей. Они могут общаться с животными. На самом деле он просто понимает природу моего поведения и обладает тонкой чувствительностью. Представляет себе, чего хочет от меня (например, чтобы я успокоился), создает спокойствие внутри себя, которое и передается мне. Когда я чувствую, что с его стороны нет угрозы, плохих намерений, я тоже успокаиваюсь и понимаю, что мне действительно не причинят вреда. Он накидывает на меня полотняный мешочек и кладет за пазуху. Там темно, тепло, и я как будто погружаюсь в летаргический сон.

Дома он сажает меня в клетку. Я чувствую, как он радуется, что поймал именно молодого воронёнка, которого мож-

но обучить всему. Молодая птица легко впитывает знания и поддается дрессировке. Я нахожусь в клетке, и всё, что есть во мне, – это любопытство. В комнате много разных полочек, этажерок, повсюду что-то висит, много всякого хлама. Но больше всего мне нравится, когда он приходит и общается со мной: издает звуки, часто берёт меня в руки, – я призываю к его прикосновению, голосу, запаху. Я могу повторять за ним: «Карл, Карл». Это мое имя! Я произношу его много-много раз, и человек вспыхивает радостью изнутри. Я чувствую это на уровне эмоций, мне нравится его радость, и я снова и снова повторяю: «Карл! Карл!» Мне нравится чувствовать эту связь, что мои действия вызывают у него ответную реакцию. Это заставляет меня делать что-то еще. А он всегда угощает чем-то вкусненьким.

Светлана: *Я правильно понимаю, что ты можешь чувствовать его эмоции?*

Да, я чувствую его состояние. Тогда в лесу он был спокоен внутри, как скала, и это подействовало на меня. А здесь, наоборот, радость, которая меня тоже возбуждает.

Светлана: *Ты эмоции чувствуешь, когда он держит тебя в руках или без прикосновений тоже?*

Я сижу в клетке, он стоит напротив, наклоняется ко мне

и разговаривает со мной. Я ему отвечаю, повторяя: «Карл! Карл!», он радуется. Потом он привязывает к лапке веревку и отпускает меня в комнате. Я могу ходить. Чтобы я привык, он кладет маленькие кусочки сала на стол, я иду и склёвываю их. Я сосредоточен на вкусном и не обращаю внимания на веревочку. Чтобы я летел, он сажает меня к себе на руку и подбрасывает, заставляя махать крыльями. Сначала у меня не очень хорошо получается, я то и дело врезаюсь в потолок, стеллажи с вещами.

Светлана: *Есть ли у тебя ощущение, что нет свободы?*

У меня нет ощущения несвободы, как мы это себе представляем, когда держим птицу в клетке: «Бедная, ей же хочется летать!» Я этого здесь не чувствую, потому что внимание сосредоточено на том, что есть вокруг: человек, его действия со мной, что-то вкусненькое. Мне кажется, что человек пытается установить связь между своим сознанием и моим, чтобы я был его глазами в небе, чтобы я мог летать, видеть что-то и мысленно передавать ему это. Возникает странное ощущение в голове, где-то над глазами. Это воздействие на сознание животного, похожее на гипноз. Всё мое внимание сосредоточено на нём, и в голове появляются, как вспышки, картинки и образы, которые он мне передаёт. Сейчас я знаю, что нужно взлететь, сделать круг и вернуться обратно. Очень чёткая траектория и понимание, что

нужно делать. Интересно, что у меня в сознании это как доминанта, словно всего остального не существует, когда я нахожусь на связи с человеком. Я взлетаю, делаю петлю, возвращаюсь и сажусь ему на левую руку в перчатке из мягкой кожи. На ней удобно сидеть, держась лапами за палец. Эта рука и перчатка очень прочно пропечатываются в моём сознании. Теперь я понимаю, что всегда вернусь сюда. Стоит мне увидеть сверху его руку в перчатке, как я пикирую вниз и отдаюсь его воле.

Он со мной играет. Иногда прячет мелкие вещи или тоненький обрывок красной материи, засовывает в щель между одеждой, а я его всегда нахожу. Ещё бусинки. Однажды я проглотил бусину и чувствую его досаду: «Больше не буду давать ему бусинки, он их съедает». Он знает, что мне нравятся яркие, блестящие или звучащие вещицы, и приносит их мне, чтобы побаловать. Я живу уже не в клетке. У меня есть специальная Т-образная деревянная подставка, верхняя планка ее отделана кожей, и мне на ней очень удобно сидеть. У меня ощущение, что другого мира для меня не существует. Этот дом и есть весь мой мир. Порой моё сознание как будто спит. Я дремлю на шесте и ни о чём не думаю. Когда появляется хозяин, я включаюсь в режим ожидания, что будет происходить дальше, какая последует команда или действия. И мне это нравится, я всегда радуюсь его приходу.

Вижу одно из заданий – нужно полететь во внутренний двор замка на горе. Туда сложно добраться, а ему важно понимать, что там происходит. Я прилетаю, сажусь на внутренний край зубчатой стены и наблюдаю, а человек из моей головы считывает образы. Я четко знаю, что мне нужно прилететь, сесть и смотреть. Но в соседней башне оказались суеверные стражники. Их пугает черный ворон, он кажется странным, они думают, что это колдун. Хотят меня подстрелить. Я вижу, как они подкрадываются, натягивают тетиву лука. Чувствую в своей голове команду «Уходи!» и взрываю вверх, делая витиеватую петлю, чтобы стражники не попали в меня, и сажусь на другое место – башенка со шпилем, козырек над окном. Здесь я не привлекаю внимания. Во дворе переполох: то ли кто-то приехал в замок, то ли готовится к отъезду. Мне нужно наблюдать за происходящим. Когда начинают сгущаться сумерки, я издаю звук «Крр! Крр!» и получаю команду, что можно возвращаться домой, где меня ждет вкусное сало. Очень приятно вернуться и получить свое вознаграждение, здесь мне хорошо.

Потом я вижу, что мой хозяин лежит на земле. Он мёртв. Я прыгаю у него на груди, цепляю когтями одежду, будто пытаюсь его разбудить. Чувствую, что он холодный и твёрдый, неживой. И в моей голове пустота. Если раньше я чувствовал его присутствие и воздействие на меня – живое и сильное влияние, – то сейчас его нет и от этого мне очень тоск-

ливо. Его душа здесь, рядом, гладит меня по голове. Я пытаюсь ухватить его клювом за палец, не получается. Чувствую его ласку и доброту. Он пытается объяснить мне, что я свободен: «Лети!» Но меня эта мысль, скорее, пугает, ведь он мой дом и весь мой мир. Он посылает мысленный образ, куда мне нужно лететь и где я могу жить. Это небольшая ложбина, поросшая лесом. Я не могу сопротивляться, для меня естественно подчиняться его воле. Я чувствую слезы и сожаление. Последнее мысленно-эмоциональное прикосновение очень теплое, ласковое, дружественное. И я лечу в тот лес, нахожу большой развесистый дуб и чувствую, что это теперь мой дом, здесь я буду жить.

Я отличаюсь от других птиц тем, что у меня есть необычный опыт взаимодействия с человеком путём прикосновения его сознания, действия по воле человека. Я видел и прожил много того, чего не проживали и не видели мои сородичи. Они есть вокруг меня, я их вижу, слышу, но они для меня как дикари. Я чувствую, что я другой. Меня не привлекает взаимодействие с ними. Их там много. Они живут в лесу, а я на большом дубе. Чаще всего я нахожусь в полусонно-трансовом состоянии. Иногда я просыпаюсь и наблюдаю за тем, что происходит, отправляюсь на поиски пищи. Нахожу необычные вещицы, которые меня привлекают. Но всегда остается ощущение, что это полжизни, как будто половины уже нет, она недостаточно наполнена, как было раньше.

Взаимодействие с другими воробьями если и происходит, то на уровне инстинктов.

Когда я становлюсь старым, у меня нет сил летать. Я долго сижу в ложбинке на ветке, чтобы не свалиться, без еды и воды, нахохлившись, втянув голову в плечи. Так и умираю, будто засыхаю, прожив около ста тридцати лет. Душа выходит со спины и смотрит на тельце ворона. Потускневшие перья, утратившие свой блеск. Какое-то время я там остаюсь в подвешенном состоянии. Нет ни желаний, ни мыслей, ни эмоций, я как будто застрял там. Может быть, состояние оцепенения передалось душе, потому что ворон часто пребывал в нем. Потом потихоньку душа начинает оттаивать, оглядывается вокруг, осознаёт, что происходит, и понимает, что это было воплощение и после него нужно куда-то двигаться. Сверху появляется золотистое свечение, и я на уровне вибраций слышу тонкий-тонкий звук, мелодичное пение. Наверное, люди назвали бы это пением ангелов. Оно привлекает мое внимание, и я отправляюсь вверх, за звуком.

Чувствую, как меня бережно встречают чьи-то руки. Не вижу, кто это, и не чувствую, но доверяю тому, что происходит. Меня увлекает дальше, где я попадаю в привычное пространство своей группы. И только здесь я понимаю, что был в воплощении и что оцепенение было вызвано долгим погружением в примитивное тело. Настолько привыкла ду-

ша к тому, что тело часто действует инстинктивно, а сознание включается не всегда и частично. Я отвык от активного образа жизни, от осознания себя. Наверное, поэтому мне было трудно оттуда выйти, но когда я оказался в привычном пространстве, то осознал себя и стал потихоньку осматриваться и осваиваться.

Светлана: *Какой опыт получила твоя душа в результате такого воплощения?*

Мы обсуждаем это с Наставником Неманом. Он обращает мое внимание на то, что в этом воплощении была диспропорция, которая заключалась в сильном влиянии физического тела как самостоятельного объекта. Как люди мы привыкли разделять тело и душу, чувствовать свое «я», которое всем управляет, согласует всё, что происходит с нами. У ворона же доминирует тело, его природные инстинкты, оно действует на автомате, реагируя на раздражители извне. Воплощение было длительное, и присутствие сознания в теле было минимальным, но я прожил максимально возможное для этого животного включение сознания.

Когда человек фокусировал мое внимание на чем-то, заставляя взаимодействовать с ним, выполнять его команды, когда мы общались с помощью образов (он считывал образы в моем сознании, передавал мне свои образы), это и было бо-

лее интенсивное включение моего сознания с точки зрения дикого животного. Но если сравнивать с человеком, то там, конечно, был минимальный процент сознания. Я чувствую, что это воплощение дано душе для сравнения. Мы все очень разные: у кого-то эмоции превалируют, у кого-то ум, кто-то действует с позиции воли, а у других инстинкты больше включаются.

Светлана: *Полезен ли опыт, который ты там получила, для твоей нынешней жизни?*

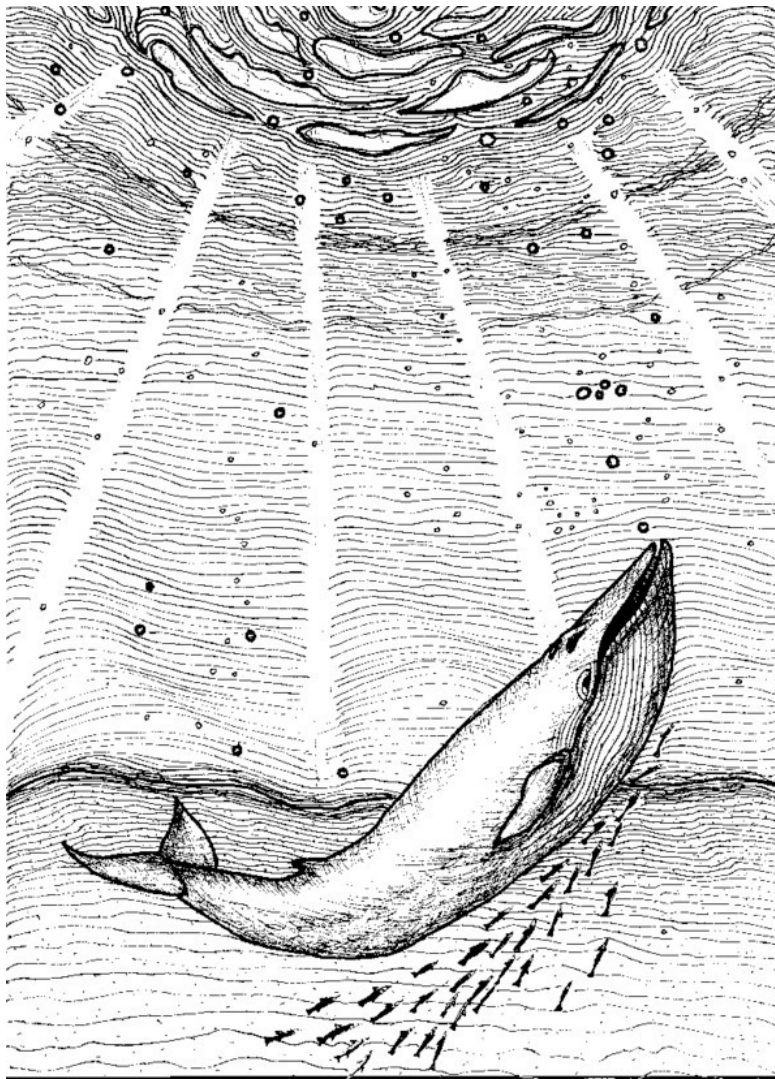
Возможно, следует больше доверять своему телу и его инстинктам. Это больше относится к тем, чьё сознание чаще находится на уровне эмоций и мыслей. Многие настолько привыкли всё обдумывать, планировать, руководить, контролировать, что забывают о том, что тело само по себе – уникальный живой инструмент и достаточно самостоятельный. Если приучить его к тому, что оно может действовать по своему усмотрению, то его сигналы и действия будут чище и яснее.

Например, питание. У нас есть много информации, какую еду стоит употреблять, а какую нет, в каком виде, количестве и так далее. Очень много на эту тему теорий и умозаключений. Но самый простой и естественный путь – довериться своему телу. Предоставить набор разных продук-

тов и наблюдать за собой, как будто со стороны, – чего телу хочется, сколько и когда. Конечно, не сразу будет получаться. У нас есть свои привычки, в том числе вредные, – переедание, зависимость от некоторых продуктов и другие. Если ставить чистый эксперимент, то, конечно, нужно время, чтобы привыкнуть к чистой натуральной еде, дать время телу адаптироваться, чтобы оно начало действовать в соответствии с естественными позывами, а не под воздействием сильнодействующих веществ, таких как соль, сахар, кофеин, шоколад. Больше следует доверять телу и в отношении сна – сколько нужно поспать и когда. Если научиться этому, а это потребует времени и усилий, тогда оно будет более здоровым и эффективным инструментом.

Второй момент – умение сохранять сознание чистым. Когда мы думаем, решаем задачи, поставленные перед нами жизнью, тогда мы включаемся, вкладываем свои силы, время, внимание в их решение. Но зачастую наше сознание занято всевозможным мусором, посторонними мыслями, которые абсолютно не нужны, никуда не приведут, не дают никакой пользы, а мы их перемалываем, – воспоминания, внутренние диалоги, общение в социальных сетях и так далее. И в теле ворона этот момент прояснился для меня очень четко – что, когда нужно, можно выключиться из этого, иметь чистое сознание, как в состоянии транса. Нет мыслей, перебивающих друг друга и постоянно клубящихся в голове.

В этой жизни я вижу эти два аспекта: доверие телу и способность держать свое сознание чистым, когда не требуется его активного включения.

Воплощение кита

Я в своем любимом месте Мира душ – в библиотеке со старинными стеллажами и огромным количеством необычных книг в красивых витиеватых обложках. Чувствую присутствие моего учителя Немана. Он заинтересован в том, что я делаю, и принимает активное участие в моих опытах.

Вижу хвост кита среди волн, и меня тянет попробовать себя в качестве кита. Отсюда я воспринимаю его как высоко развитое существо с другой формой сознания, нежели человеческая. Если ворон был «пробной» моделью, то кит – «расширенная опция». Он отличается тем, что у него есть свои способы общения с сородичами и больше функций, как социально значимых среди китов, так и в отношении океана, где он обитает. Учитель никак не комментирует мое решение, он просто соглашается.

Я наблюдаю, как рождается китёнок: сначала показывается хвостик, потом появляется весь малыш. Это происходит на небольшой глубине в пустынном месте около острова. Светлое море, песчаное дно, немного водорослей. Глядя сверху, я ощущаю, что здесь нет людей и мама-кит чувствует себя в безопасности. Она знает это место, потому что сама здесь родилась. Я чувствую связь мамы и отца, который сей-

час далеко. Она подает ему успокаивающий сигнал, что всё хорошо, малыш рожден, он жив.

Ныряю в тело китёнка. Непривычные неуклюжие движения, пытаюсь приноровиться к нему. Подплываю к поверхности, чтобы вдохнуть воздух, мама меня страшит. Она готова в любую секунду помочь мне подняться, подтолкнуть, чтобы я сделал вдох. С первым вдохом у меня вырывается крик или писк, он не похож на громкий писк наземных животных – он на других частотах, которые не слышны человеку так, как воспринимаю его я. Это смесь радости, удивления, восторга. Я наслаждаюсь своим маленьким тельцем. Мне нравится плыть и ощущать воду. Я чувствую, что моя мама расслаблена и спокойна. Она чувствует мою резвость, живость, это её успокаивает – значит, всё в порядке. Слышу гордый радостный приветственный звук, исходящий откуда-то из-за пределов бухты, он меня удивляет, и по маминей реакции я понимаю, что это отец, он меня приветствует. Нет мысленного языкового объяснения, но мы телепатически общаемся и понимаем, что происходит. Меня радует, что есть кто-то важный для меня и он ждёт.

У меня появляется желание двигаться, но мама дает понять, что ей нужно ещё немного времени побыть в спокойном состоянии, прийти в себя после родов. Это не так, как у людей. Скорее, это больше энергетическая или вибрацион-

ная сонастройка мамы с её новым состоянием, что она больше не беременна. Я чувствую её телепатическую мысленную подсказку о том, что я могу пить её молоко. (Есть воспоминание об одной из самых первых моих прошлых жизней в теле маленького броненосца, у которого тело само двигается с помощью инстинктов. Там доминирующим ощущением был запах. По запаху я находил маму и её сосок. А здесь совсем по-другому.) Есть запах, я чувствую, где сосок с молоком, но инстинкт второстепенен по отношению к сознанию, мысленному общению между мной и мамой.

Дальше мы медленно двигаемся. Я следую за мамой, стараясь далеко не отставать. Держу в поле зрения её сосок. Мне нравится хватать его периодически и насыщаться. Так проходит два года. Я расту и становлюсь большим молодым китом. Много миль пройдено за это время. Я знаю разные воды и течения, есть ещё другие пути. Они похожи на магнитные волны, по которым мы движемся. Это наши дороги и ориентиры, нам по ним так же легко двигаться и ориентироваться, как человеку в центре большого города, где чётко обозначены улицы, номера домов. Кроме того, воды разных частей океана отличаются по ощущениям, вкусу, по растениям и животным, которые там есть.

Мы двигаемся, подчиняясь некоему расписанию. Это происходит естественным образом. Мы не думаем о том, ку-

да нам нужно плыть, так же как не думаем о том, как питаться, – это как-то происходит само собой. А вот что важно, так это связь между нами и поддержание баланса. Мы, киты, передвигаемся в воде так, чтобы каждый раз между нами, точками, где мы находимся, возникал узор. Это и есть наша задача. От нашего движения зависит передвижение более мелких животных. Мы не воздействуем напрямую – не являемся хищниками для кого-то или жертвами, своим присутствием и движением мы оказываем влияние на всю морскую фауну. Они тоже двигаются, когда перемещаемся мы. Так происходит миграция касаток, других китов, дельфинов, акул, других крупных рыб. Это естественный постоянный поток: как птицы перелетают с севера на юг и обратно на зимовку, к месту выведения птенцов, так же и морские животные постоянно перемещаются в соответствии с магнитными путями.

Люди нарушают эту гармонию и баланс, убивая китов. Если они убивают единичные экземпляры, которые находятся в стае, это не так заметно. Но если убивают большого зрелого кита или кита-одиночку, у которого своя отдельная функция, то это становится значимым, мы все это чувствуем. Возникает тревожность и стремление перегруппировать наше расположение так, чтобы закрыть этот участок и выровнять общее поле. Как на больших морских животных бывают наrostы в виде ракушек либо рыбы-прилипалы, которые следуют за ним, питаясь объедками. Так и киты будто прилеп-

лены к определенным местам Земли в океане. Они не стационарны, двигаются, являясь при этом своеобразными маячками на земной поверхности, только в воде. Еще их можно воспринимать как индикаторные лампочки на приборной панели огромного механизма планеты Земля. По их перемещению и расположению можно понять, что происходит, есть ли где-то нарушения. Если что-то нарушается в движении или расположении китов, это сигнализирует о сбоях магнитной системы. Также они выполняют регулирующую функцию. Если что-то где-то нарушается, они общим коллективным сознанием выравнивают ситуацию и приводят в прежнее сбалансированное состояние – живая биосистема.

Раньше численность китов была больше, и они имели большее значение и влияние на Землю. Тогда как люди были менее осознанными, их было меньше и силы были равны. Люди жили на Земле, не сильно вмешиваясь в то, что происходит с планетой. Когда их стало больше, они стали более активными и агрессивными по отношению к Земле, они начали многое менять на ней, их воздействие стало иметь заметные, значимые последствия. В то время как поголовье китов сильно уменьшилось, опять же из-за людей. Распределение китов по поверхности стало более редким, а связи между ними более напряженными. Малейшее изменение теперь сильнее сказывается на каждом индивидууме.

Я изнутри кита пытаюсь понять, как они общаются между собой. У них нет словесного языка, нет мыслей, как у нас, и это не образы. Скорее, это язык вибраций и состояний, они похожи на эмоции и привязанность. Семью чувствуют ярче, больше внимания уделяют, и это общение эмоционально окрашено. С другими больше функциональная связь. Мне нравится состояние «я есть», когда нет мыслей. Огромная махина бултыхается в толще воды. Я не задумываюсь, что мне надо вынырнуть, вдохнуть, – это происходит само по себе, инстинктивно, тело само знает, что ему нужно делать. Иногда бывают эмоциональные всплески, когда хочется быстро двигаться, бить хвостом, крутиться, – это похоже на игру или танец. Я чувствую, будто энергия и пространство вокруг меня вихрятся, приводя меня в возбуждённое состояние, заставляя двигаться как-то иначе. Возможно, это связано с изменениями на Солнце (резкие скачки), с лунными циклами или магнетизмом. Солнечные всплески меняют пространство вокруг нас, влияя на наше поведение.

Пытаюсь понять свое сознание. Сейчас спокойное состояние, зависаю в воде, нет мыслей, состояние «я есть». Много звуков разного уровня, их диапазон намного шире человеческого. Я вслушиваюсь в пространство, будто радар. И, когда там всё обычно, ровно, меня это очень успокаивает. И я подаю умиротворенный успокаивающий сигнал своим сороди-

чам: «Всё хорошо».

Светлана: *А если тревожный сигнал улавливаешь, что происходит?*

Где-то убивают кита. Я это знаю. У меня перед глазами его располосованное тело. Когда разделяют кита, кровь сливают в воду. А из-за исчезновения кита с его места нарушается вся наша магнитная система и структура. Сигналы о том, что его тело разрушено, передаются всем. Я чувствую всё, что происходит. Это можно сравнить с человеческой болью утраты. Оно вызывает внутри сильное напряжение и тревожность. И сразу возникает движение, словно каждый знает, куда ему нужно переместиться, какое положение занять, чтобы восстановить баланс, хотя в ту точку, где это произошло, мы не идем. Чтобы ее закрыть, трое располагаются вкруг, окружая место трагедии треугольником, чтобы восстановить утраченное и нейтрализовать энергию разрушения. Я вижу растерзанное тело кита, кровь... Три сородича исполняют песню ушедшего кита, провожая его. И все, кто связан с нами, замирают надолго. Похоже на минуту молчания, почтения того, кто ушёл, выполнив свой долг... Когда вибрации восстанавливаются, успокаивается море, очищается вода и энергетика в этом месте, мы возвращаемся к прежней жизни и снова движемся в согласии с магнитными потоками, путями, частью которых являемся.

Сейчас я чувствую, как в этой сети, покрывающей поверхность океана, появляются молодые, сильные особи, новые киты. Молодняк взрослеет и присоединяется к нам. Это вызывает реакцию, похожую на человеческую нежность, радостное приветствие, надежду. Это делает немного сильнее каждого из нас и всех вместе. Интересно, что по отношению к людям как источнику разрушительных воздействий на океан и землю нет ни агрессии, ни осуждения, абсолютно никаких негативных реакций. Как к цунами или землетрясению — мы же не будем злиться на то, что происходит по вине стихии. Скорее, они даже не задумываются о людях, не обращают внимания, сосредотачиваясь на той миссии и функции, которую выполняют.

Однажды я просто закрываю глаза, засыпаю и перестаю дышать, покидаю свое тело. Оно опускается на дно, а я какое-то время остаюсь в толще воды, прощаясь с ним. Это удивительное создание по своей мощи и природе. Форма сознания, абсолютно не похожая на человеческое. Как часть планеты Земля, часть живого, саморегулирующегося, самонастраивающегося механизма.

Душа возвращается наверх, в Мир душ, в таком же состоянии спокойного величия, какое я испытывал, находясь в теле кита. Такое ощущение, что меня ещё покачивает, как на вол-

нах. Я ловлю на себе мысленное прикосновение Наставника, который говорит мне: «Да, я вижу, что ты очень любишь эту планету». И я понимаю, что это так, что я чувствую себя её частью. У меня очень ярко запечатлелась картина убитого кита, но нет негативных чувств по отношению к этому. Как рождение нового кита, так и его уход – естественные циклы жизни. Из такого сознания очень ровно воспринимается всё – и радостное, и страшное.

Светлана: *Когда киты выбрасываются на берег, что с ними происходит?*

Мне приходит ответ, что это из-за изменений в магнитной системе. Это может быть сбой планетарного уровня, может быть воздействие космических событий – излучение Солнца или других космических тел, когда линии путей как будто смещаются. Например, путь проходил по воде и вдруг происходит резкий скачок, как сдвиг стрелки, а в этот момент кит шел по пути и он идет не по воде, а как бы промахивается и выбрасывается на сушу. И он не может ничего сделать, он как винтик в механизме – не может ни свернуть, ни думать об этом, он неосознанно это делает. И всей системой это воспринимается как естественное нормальное явление, потому что он иначе не может. Просто они снова перестраиваются и выравнивают баланс, который был нарушен. Я это так чувствую.

Светлана: *Как из Мира души ты воспринимаешь этот опыт?*

Во-первых, это был опыт проживания в ином сознании, отличающемся от человека и животного. А во-вторых, это был опыт ощущения планеты Земля как единого саморегулирующегося организма, опыт существования как части системы. Ты не можешь поступить иначе, у тебя нет своей воли, ты действуешь согласно своей природе и задаче. Также это возможность увидеть Землю и то, что на ней происходит, из очень ровного состояния, без бурных эмоций. Что бы ни произошло, всё имеет цель, смысл, задачу. На этот уровень можно подниматься, когда очень сложно в жизни и непонятно, что происходит. Это может помочь любому из нас прожить трудные и тяжёлые времена. Как спасательный круг помогает удержаться на воде, переждать бурю и дожждаться момента, когда снова сможешь трезво оценивать ситуацию, контролировать эмоции и принимать здравые решения. Пожалуй, это три основных момента.

Находясь в пространстве Мира душ, я чувствую внутри себя звуки китов – низкие, вибрационные, далеко не все из них воспринимались бы человеческим ухом на Земле, но они остались со мной. Я словно дрейфую в них. Остаюсь в покое и уединении какое-то время, чтобы этот опыт улёгся,

пропечатался и стал частью меня. Я чувствую одобряющее отношение Учителя к моему опыту (мы находимся в разных пространствах, но телепатически чувствуем друг друга). Его одобрение касается того, что я поднимаюсь на уровень выше и дошел до того момента, когда работал на уровне Земли как единого организма, немного прикоснулся к её единой системе. То вибрационное поле, в котором живут киты и реализуют свою функцию, является многослойным. Это и магнитное поле Земли, и физическое водное пространство, животная форма воплощения и телепатическая вибрационная связь между ними как единая сеть, единый организм. Освоение этой системы было отличным опытом для моей души. Одобрение Учителя и моё понимание того, что сейчас произошло на самом деле, взбодрило меня и окрылило. У меня появляется ощущение, которое можно сравнить с хорошим аппетитом, – желание «засучить рукава» и ринуться в бой, сделать что-нибудь яркое, энергичное, появился фонтан энергии, который нужно куда-то направить.

Макар из экспедиции Н. Рериха

Я понял, что лучший способ для этого – отправиться в свою группу к товарищам, которые находятся в нашем пространстве за овальным столом. Они радостно приветствуют меня, вдохновляясь моим боевым расположением духа. Некоторых я вижу в том облики, в котором они находятся сейчас в моём нынешнем воплощении. Мы словно положили руки друг другу на плечи, создав единый плотный круг вокруг стола, за которым происходит планирование воплощений. Приходит образ, будто мы соединены и спускаемся вниз цепочкой, как альпинисты, связанные друг с другом. Видимо, это будет совместное групповое воплощение. И это действительно альпинисты! Я вижу Гималаи, Кайлас. Они не просто путешественники, у них есть общая идея, которой они следуют. Приходят мысли о Николае Рерихе и его гималайских экспедициях. Вижу образы его картин, через которые передается атмосфера – разреженный горный воздух, немного звенящий, с запахом озона, сверкающий снег со множеством оттенков и переливов. Я чувствую усмешку Учителя, он говорит: «Ты полюбишь горы». Это придаёт мне уверенности, и мы ныряем в воплощение, дабы прожить опыт общей идеи, которая связывает людей, преданных ей, опыт сплочённости, дружбы, преодоления трудностей, взаимной помощи и поддержки.

Окунаюсь в детство. Небольшая тёмная закопчённая изба. Бабушка в тёмной одежде, похожей на монашескую, сидит и держит меня на руках. У неё белые, седые волосы и тёмный платок. Здесь же в горнице кровать, где лежит моя мать, разрешившаяся от бремени. Она полноватая, грузная, крупная женщина. Дальше вижу себя мальчишкой лет восьми-девяти. Моё имя Макар. Очень серьёзный, даже суровый, с сосредоточенным лицом и книжкой под мышкой. Я шагаю, а деревенские ребята надо мной смеются, подшучивают, что-то в меня кидают, потому что я не такой, как все. Мне интересно учиться, меня манит всё необычное, интересны всякие тайны. Это совсем не увязывается с жизнью деревенского мальчика. Я кажусь им странным и непонятным, из-за этого они меня дразнят. Мне не хочется связываться с ними, я пытаюсь закрыться от них и сосредоточиться на своём внутреннем мире. Мне не хочется никого туда пускать и чтобы меня оттуда выдёргивали тоже. Я нелюдимый, необщительный, не из тех ребят, что играют на улице.

В селе книжка – довольно редкое явление, и уж если мне удаётся что-то раздобыть, то я стараюсь уйти куда-нибудь подальше (напроситься пасти коров, например), завалиться на сеновале или луговой траве. У меня с собой крынка молока и краюха хлеба, лук. Я ухожу на весь день. И, оставшись один, наслаждаюсь стрекотанием кузнечиков и тишиной во-

круг. Никто не мешает, только всхрапывают бурёнки и скрипят, пережевывая жвачку. Я уношусь фантазией далеко-далеко отсюда, мне хочется увидеть этот мир, путешествовать. Очень интересно то, что пишется в книгах про другой мир — не тот, в котором я живу. Родители вздыхают. Они видят, что ребенок будто чужой здесь. Они прекрасно понимают, что не вырастет из меня доброго крестьянина и рачительного хозяина, поэтому не возлагают никаких надежд. Понимают, что я уйду и не стану их преемником в хозяйственных делах.

Когда мне исполняется шестнадцать, я, наконец, решаюсь уйти в город, собрав котомку. Мать благословляет меня. Она с пониманием относится к тому, что я пошёл искать свою долю. Ей горько отпускать сына, но ничего не поделаешь. А я чувствую предвкушение нового мира, чего-то неизведанного, приключений. Но иду не просто так. Школьный учитель из другого села, где я занимался, написал письмо своему другу Андрею в уездный городок, чтобы тот меня приютил на первых порах и помог освоиться. Он небогатый интеллигент, у него своя комнатёнка. Он приютил меня и наблюдает. Видит меня как грубого неотёсанного мальчишку, мужичка. Прислушивается и присматривается ко мне, пытается понять, что я за птица.

Мне всё интересно, я задаю много вопросов. Они касаются как жизни в городе, так и науки. Я очень жадный до зна-

ний, и здесь могу утолить свою жажду. У Андрея есть книги, он знает, где их можно взять. Я проглатываю их с огромным удовольствием. Наблюдая за мной, он понял, что мне надо получать образование. Мы придумали довольно хитрый ход – пойти в гимназию истопником. Когда я буду заниматься своей работой, конечно, у меня не будет много времени на учёбу, но я смогу слышать то, что говорят преподаватели, о чём говорят студенты, у меня будет доступ к книгам. Кроме того, если я сумею повести себя нужным образом, то смогу приобрести нужные связи и знакомства. Конечно, они будут не на том уровне, как между студентами, но всё зависит от меня.

Я наблюдаю за учениками гимназии и во всём пытаюсь подражать им – жестам, походке, манере держаться. Сначала мне смешно, они кажутся напыщенными гусями. Но некоторые действительно увлечены учёбой. Я вижу, что они сильно отличаются от меня, но это не показное, они такие и есть. И поскольку я акцентирую своё внимание на этом, то постепенно становлюсь похожим на них. Они немного свысока относятся ко мне, но, когда я всё-таки решаюсь заговорить с одним из них, Антоном, и попросить книгу, он смотрит на меня с удивлением и недоверием, но всё же одалживает томик. Ему любопытно, что из этого выйдет. Он дает мне книги, а потом экзаменует, задавая вопросы о прочитанном. У меня загораются глаза, я отвечаю. Мы с таким интересом

ввязываемся в обсуждение! Для меня неожиданно то, что Антон иногда совсем иначе понимает содержание книги. Он объясняет мне некоторые вещи, и это интересно нам обоим. Он чувствует себя ментором и наставником, это придает ему веса в собственных глазах.

Однажды один из учителей, Сергей Никанорович, обратил внимание на то, что происходит. Он пригласил меня к себе и сказал: «Молодой человек, я вижу вашу заинтересованность в знаниях, ваш неподдельный интерес, и это весьма похвально». Он разрешил немного изменить график моей работы, чтобы я иногда поспевал на занятия. Мне позволили присутствовать на занятиях, видя моё рвение. Некоторые посмеиваются, кто-то против. Некоторые студенты восприняли очень негативно то, что какой-то крестьянин, бродяжка будет учиться вместе с ними. Кому-то всё равно. С Антоном мы стали друзьями, нам очень нравится всё обсуждать, спорить, докапываться до истины. Осваивать знания в одиночку – это одно, а когда у тебя есть единомышленник – это совсем другое!

Душа Антона – это Рид, товарищ из моей группы душ. Он отличается пылкостью и изобретательностью. Однажды он говорит: «Пойдём!» – нахлобучивает мне шапку, пальто и буквально за шиворот тащит за собой, не говоря куда. Мне восемнадцать, к тому времени я уже два года прожил в горо-

де. Мы пришли в гости. Стулья с круглыми спинками и кое-где в белых чехлах, как на картинах про Ленина, круглый стол, часы с кукушкой – классический интерьер начала XX века. Знакомый Антона, Николай, – человек образованный, среднего класса. Возможно, доктор или преподаватель медицины. Я чувствую, что он связан с лабораторией, исследованиями в области физиологии тела. Он изучает человека и его поведение. Ему нужны помощники или лаборанты, рабочие руки, мальчишки, которым это было бы интересно. И тогда Антон привёл меня как своего товарища.

Нас усадили за стол, мы пьем чай и ведём непринуждённую беседу. С нами супруга хозяина и их ребенок лет восьми-десяти. Потом он приглашает нас в кабинет, усаживает на диван и что-то рассказывает. Его исследования касаются таких вещей, как летаргический сон, анабиоз. Я всё время вижу лягушек и думаю: «Почему же лягушки?» Потому что они замерзают зимой, впадая в спячку. Он изучает процесс анабиоза у холоднокровных животных и пытается с точки зрения физиологии подобраться к тому состоянию, которое называется «самадхи», когда тело как бы консервируется, замирает, в нём минимизируются обменные процессы, оно не дышит, сердце не бьется, но остается живым и его можно «запустить» снова. Николай изучает все попадающиеся ему истории про летаргический сон, когда человек практически умирает, но если поднести зеркальце к его губам,

то можно увидеть, что оно запотеваает. Это говорит о том, что есть минимальное дыхание. Таким образом, оно остается живым, хотя выглядит мёртвым, и человек может лежать несколько дней или дольше, потом приходит в себя. Он находит этих людей и задает им множество вопросов, пытаясь понять, что с ними происходит в процессе этого сна.

Для меня становится бесценным кладом его библиотека. У него есть книги и эзотерического характера, мистические. Здесь я узнаю кое-что об алхимии, магии (не колдовстве, а изменении состояний). Вместе с Антоном мы работаем в лаборатории и с документами, иногда что-то приходится классифицировать, находить, подбирать, оформлять. Наш наставник делится с нами некоторыми мыслями, порой мы что-то обсуждаем. Именно через него мы попадаем в экспедицию, которая отправляется на Кайлас. Благодаря своим исследованиям состояния самадхи Николай входит в группу. У экспедиции несколько целей и задач, но один из вопросов, который касается нашего учёного, – найти пещеру «спящих» в горе Кайлас. Там, по преданию, в состоянии самадхи находятся тела лемурийцев, атлантов, гиперборейцев – представителей тех цивилизаций, которых уже нет на Земле. Существует легенда, что они являются хранителями генофонда исчезнувших рас. В случае необходимости их можно реанимировать, и они будут способны жить дальше.

Николай берет нас с собой в горы в качестве помощников, к которым он привык и которым доверяет. Мы будем помогать физически, обеспечивая надёжный тыл. Молодые крепкие мальчишки для этого подходят лучше всего, тем более что они являются также единомышленниками. Мы с Антоном гордые и важные, в школе задираем нос. С трудом дождаемся конца учебного года и летних каникул, отправки в экспедицию. Жизнь неожиданно стала казаться сказочной и нереальной, как сон. То и дело хочется себя ущипнуть. Одна поездка в Москву – уже грандиозное событие для такого парня, как я. Мы останавливаемся у кого-то на квартире. Слишком долгой кажется подготовка – упаковка багажа, оборудования, всего, что пригодится в горах. Имя Николая Рериха у меня на слуху, но для меня он недостижим. Вокруг суэта, переговоры, происходит что-то, суть чего мы не очень улавливаем. Для нас всё абсолютно ново. Огромный поток информации обрушился на наши головы, и мы пытаемся научиться в этом ориентироваться.

Затем поезд, дорога, разные встречи и ситуации. Для меня интересно наблюдать, как всё организовано, кто за что отвечает, погрузка-выгрузка багажа, как его маркируют, учитывают, чтобы ничего не потерялось. Я внимательно впитываю всё на ходу. Уже в горах передвигаемся мы по-разному: где-то на вьючных животных, где-то пешком. В какой-то момент наступает отупевшее состояние укачивания, и всё

время присутствует ощущение нереальности происходящего. Всё настолько непохоже на мою прежнюю жизнь, и, наверное, никто из моей прежней жизни не поверил бы, если я вздумаю кому-то рассказать, где я сейчас и чем занимаюсь.

Мы с Антоном в основном отвечаем за бытовую часть путешествия: принести воды, дров, наготовить еды, собрать, разобрать, упаковать, проверить, всё ли в порядке с упряжкой. Тогда как Николай находится ближе к организаторам и начальнику экспедиции, они обсуждают более серьезные вещи. Сейчас я узнаю Николая – это душа мамы моей подруги в этой жизни. Своеобразная мягкая энергетика. Любопытно, что, пока мы шли по более низким местам, всё плыло как-то мимо в полусне. А когда стали подниматься выше, появились горные пейзажи, снег, скалы – всё для меня стало более реальным. Я пропитываюсь горным воздухом, чувствую холод, морозное покалывание, все запахи и оттенки камней. У меня такое ощущение, что восприятие обострилось. Я с жадностью впитываю этот воздух и ощущения.

Иногда кажется, словно само пространство заглядывает внутрь меня, «пробует на зуб», проверяет. Были ситуации, когда происходило что-то мелкое, незначительное, например, из-под копыта мула выскакивает камешек и катится на обочину каменистой тропы. Я смотрю на него, и он становится для меня гиперреальным, как будто мои ощу-

ния обострены, а движение замедленно. Я смотрю на медленно катящийся камешек и понимаю, что пространство так со мной разговаривает. Мне совершенно непонятно, что происходит, но я продолжаю наблюдать. Осмотревшись вокруг, обратил внимание на то, что остальные участники экспедиции тоже изменились – стали более погружёнными в себя, разговоров стало меньше, все притихли. Даже на привале каждый больше уходит в свои мысли. Одни ведут дневники, записывая свои наблюдения, другие наблюдают за небом и звездами, третьи занимаются растениями или отслеживают следы животных.

Вдруг я чувствую напряжение, исходящее от главы экспедиции и тех, кто рядом с ним. Также беспокоятся и наши проводники, которые против этого похода на Кайлас. Они уверяют, что мы погибнем, что мы совершаем очень нехорошее дело, пугают, ругаются на своем языке. Это сеет нервозность среди тех участников экспедиции, которые не очень глубоко понимают её суть, например мы с Антоном. Мы притихаем ещё больше. Нас в группе всего человек шестнадцать. Дальше идти становится всё сложнее. Подъемы круче, больше снега, всё меньше и меньше расстояние мы преодолеваем каждый день, всё труднее и труднее становится дышать. Непривычный воздух, самочувствие сильно ухудшается. Такое ощущение, что нет сил, и всё время хочется спать. Огромную значимость и ценность приобретают такие про-

стые вещи, как вскипяченный на костре кипяток, куда можно забросить щепоть травы. Пьешь горячий травяной напиток и кажется, что это самое невероятное, что может быть в мире, самое вкусное и драгоценное.

Мы с Антоном иногда, сидя у костра вечером, особенно когда никто не слышит, разговариваем о «спящих в пещере». Мы не знаем, верить этому или нет, сказка это, легенда Тибета или реальность. Но ведь есть же труды Платона, которые говорят об этом. Да и местные не пускают туда. Почему столько легенд связано с этой горой? Они говорят, что люди туда не могут попасть, что гора не пускает их, что все, кто туда шел, погибают.

Мы разбили лагерь в том месте, куда проводники дошли с нами. Дальше они наотрез отказались идти. Вызвалось шесть человек, которые отправятся попытать счастья дойти до Кайласа. Мы с Антоном тоже идем как молодые и крепкие помощники. Некоторым очень трудно дается подъём в горы и нахождение в разреженном пространстве, мы же справляемся. Часть участников экспедиции боятся идти, веря, что тех, кто тревожит «спящих», ждёт гибель. Наш предводитель – человек, которого называют мистиком. Николай идет с нами и ещё пара опытных в альпинизме парней.

Мы отправились в дорогу. Поднялась сумасшедшая ме-

тель, сильный ветер дует в лицо, и мы идём, упираясь головой в мощные потоки воздуха, преодолевая минимальное расстояние. Ветер такой силы, что кажется, на него можно лечь. Заметает снег, идти практически невозможно. Видимость нулевая. Мы обвязываем друг друга веревкой вокруг пояса. В такой буран немудрено потеряться даже в двух шагах. Это придаёт сил и уверенности, что мы вместе, в связке. Впереди идёт проводник, потом Антон, я, за мной Николай, потом ещё двое. Двигаемся очень медленно. Такое ощущение, что мы упираемся в невидимую стену. Пространство будто закрыто для нас.

Одного обуяла паническая атака. Он кричит, отбивается от невидимых демонов и умирает от разрыва сердца и того ужаса, который пережил. Мы застыли, пораженные увиденным. Как так: шёл, шёл человек и вдруг раз – и умер? Закрадывается холодок сомнения: может, действительно местные правы и вход в это пространство запрещён, мы святотатствуем и нас за это накажут духи? Что делать с телом? Закладываем его камнями, обозначая место. Решительности у нас поубавилось. Я чувствую жгучее желание достичь цели, мне кажется странным проделать столь огромный путь из другого конца мира, чтобы оказаться здесь и не дойти. Это невозможно, такого не может быть. Лучше умереть, но дойти. Я представил себе на минутку, что вернусь в Россию и буду вспоминать, что я был всего в двух шагах и не нашёл жела-

емое. Это было бы, наверное, очень странно, и я сильно сожалел бы об этом. Священная тайна неумолимо манит прикоснуться к ней.

Второй человек из нашей экспедиции схватился за живот, его скручивает. Он тоже умирает. Я слышу завывание ветра в горах. Мы проходим ущелье, этот путь кажется бесконечным. Порой становится очень страшно. Ощущение, что ты один в этом каменном холодном мире. Порой цель путешествия кажется бредом, и я ловлю себя на мысли: «А что я вообще здесь делаю? Зачем мне это нужно?» Мы четверо в связке и чувствуем себя единым целым. Бродим очень долго. Проживаем самые разные состояния: от безумия, полного непонимания, где мы находимся и что вообще делаем, движемся на автомате, теряя ориентиры. Иногда нас охватывает паническая атака. Мы сжимаемся, сворачиваемся клубком на земле, обхватив голову руками, и пытаемся укрыться от этого страха. Звуки в горах его усиливают. Кажется, мы заплутали, бродя без ориентира, как безумные без цели, не понимая, что происходит. Я вижу вокруг горы, каменистые ущелья, людей рядом, но не вполне осознаю, что происходит. В какой-то момент на привале мы свернулись клубочком каждый по-своему. Постепенно мы теряем связь друг с другом и словно засыпаем...

Душа выходит из тела радостная: «Мы же почти нашли!

Так близко!» Мы шли туда несмотря на страх, панические атаки и ужас. Те двое, которые умерли по дороге в самом начале, не заставили нас повернуть обратно. Мы дошли до места, дальше которого никто пойти не может. Просто дальше пути нет, на этом всё закончилось. Обратно мы повернуть не могли, исполненные решимости достичь цели. И было важно, чтобы мы не свернули, не спасовали, что мы не предали друг друга. И эта твердость намерения была самой главной!

Наши души вчетвером смотрят на четыре тела внизу, свернувшиеся клубочками и замёрзшие. Нам радостно оттого, что мы все здесь. Это конечная точка нашего пути. Кайлас и его Пещера Спящих был для нас ориентиром, наживкой, а главным в этом мероприятии был путь, который мы вчетвером должны были пройти. И мы это сделали. Ощущение товарищеского плеча, уверенности в том, кто рядом с тобой, ощущение твёрдой руки, которую тебе подают, когда трудно двигаться, ощущение того, что тебя понимают, что мы на одной волне, что ты можешь говорить о том, что важно для тебя, ощущение общей цели, ценности и важности общего дела. Это так мощно, придает столько сил, что нам их хватило дойти до этой точки. Невероятный восторг и подъем энергии! Мы машем тем двоим, которые умерли раньше, они радостно отвечают, и мы воссоединяемся.

Возвращаемся наверх, в Мир душ, смакуя слово «экспедиция». Оно такое вкусное! Мы были в самой настоящей экспедиции. Ведь это почти то же самое, когда душа идёт в воплощение. Мы всегда идём до конца. Ещё меня тешит тот путь, что я прошёл от деревенского мальчишки. Одно то, что попал в гимназию и мог общаться с ребятами, читать книги, было величайшим чудом в моей жизни. Но то, куда я забрался после этого – Москва, путешествие, – совершенно невероятнo. Апогеем этой жизни стал последний путь вчетвером. Мы смогли максимально проявить мужскую энергию – чётко поставленная цель, твёрдость, упрямство в её достижении, полная отдача своих сил и возможностей. И именно это делает столь ценным прожитый опыт. Наставник насмехается над нами: «Мальчишки!» А мне он посылает такую мысль: «Ладно, это была тренировка для тебя. У тебя будут ещё походы на Кайлас».

Мы какое-то время находимся вместе, в нашем групповом пространстве, наслаждаясь ощущением плеча к плечу, дружеской поддержки, единства друг с другом, ещё проигрываем ситуации из похода, вспоминаем походные шутки, кружки, костры, которые являются приятным послевкусием мальчишеской игры. Душа получила сильный опыт яркой мужской жизни, и мне нравится это ощущение.

Контраст со временем

Передо мной образ золотистого шарика, похожего на круглые карманные часы, но не плоские, а в виде сферы, на цепочке, зацепленной за сук. Приходит фраза «поиграть со временем». Появляется образ молодого джентльмена во фраке, цилиндре, с тростью. Часы – его неотъемлемая часть, он очень точен во времени и во всём остальном тоже. Его имя Эдвард Паркинсон. Души, которые находятся за общим столом, где они обычно планируют своё воплощение, разглядывают этого человечка и, смеясь, недоумевают: «Что это за чудо?» Это подсказка Учителя: «Поиграйте со временем». Каждый из нас задумался о том, что это значит и как это можно реализовать в воплощении.

Появляются разные идеи: повторение одного и того же эпизода, возвращение в памяти назад, можно привязать это к ощущению времени. Субъективно человек может воспринимать время по-разному: оно может для него тянуться долго, а может мчаться очень быстро и незаметно. Похоже на то, как ребятам в школе дают задание и каждый понимает его и реализует по-своему. Возникает образ человека с карманными часами. Для него время крайне важно, он его боготворит.

Мельком заглядываю в детство. Я вырос в большом английском доме. Моя мать строга и чопорна. В каждой комнате имеются часы, многие с маятником, с боем. Всё в доме происходит по часам. Этот распорядок привит мне с детства. Я был спокойным и послушным мальчишкой, и в результате такого воспитания стал сухим, серым и чрезмерно чопорным. Придавал большое значение мелочам: всё должно быть идеально, чётко, по плану, по расписанию. Я патриотичен, для меня Англия – образцовая держава. Очень горд тем, что являюсь подданным этой страны. Мне нравится английская чопорность, точность, манерность. Причем, если для большинства это внешняя манера поведения, то я таким являюсь изнутри, это совершенно искренне и естественно для меня.

Работаю в университете. Всегда прихожу вовремя, секунда в секунду начинаю свою работу и заканчиваю её. Но однажды мой мир рушится, всё идет не так, как обычно. По пути домой начинается дождь. Я предусмотрителен и всегда ношу с собой зонт, но сильный порыв ветра вырывает его у меня из рук, и я оказываюсь насквозь мокрым. Вынимаю из кармана часы и понимаю, что в них попала вода. Когда я держу их в руке, то вижу, как отпотевают стекло изнутри. Я совершенно растерян, потому что часы – мой основной ориентир в жизни, и теперь он потерян. Стою посреди улицы мокрый, с часами в руках и не знаю, что делать. Я даже забыл, в каком направлении мне нужно идти.

Останавливается кэб: «Сэр, куда прикажете? Нужна ли вам помощь?» А я стою, открыв рот, и с непониманием смотрю на него. Я не знаю, нужна ли мне помощь и что мне делать. Озираюсь по сторонам, словно этот мир мне незнаком. Уже начинает темнеть, и улицы малолюдны. Кое-где загораются окна. Теперь я чувствую, что на мне мокрая одежда, она прилипла к телу – тяжёлая и холодная. Я начинаю замерзать. Появляются ощущения тела, которые мне кажутся странными и непривычными. Они выдергивают меня из оцепенения.

Я вижу звёзды. Наступает ночь. Мне приходит образ, как утром восходит солнце и становится светло. До меня доходит мысль, что это тоже время. Есть основные ориентиры во времени, но они для меня слишком велики, не конкретны и даже грубы. Естественное течение времени для меня кажется вульгарным. Мне же важна точность до секунды, точный ход стрелок и бой часов. Вдруг я понимаю, что есть другая жизнь, другая форма существования, в которой люди живут иначе – без этой точности и привязанности к часам. Сейчас, без часов, я пытаюсь представить себе, как они живут. Это состояние кажется мне более расширенным, замедленным и абсолютно расслабленным.

Моя жизнь, расписанная по минутам, отмеренная и рассчитанная, ощущается мной как чёткие жесткие рамки, где

всё понятно — что, когда и как нужно делать, когда являешься частью большого механизма и выполняешь свою функцию. С одной стороны, это состояние натянутой струны, как пружинки в часах, а с другой стороны, здесь нет места простору, спонтанности, творчеству, чему-то иррациональному, неожиданностям, чувствам, эмоциям, всё отмерено — столько, сколько нужно, сколько дозволено и допущено — ни унции больше.

Вдруг эти рамки исчезли, и я словно оказался в огромном пространстве, где мне стали доступны ощущения. Именно поэтому я увидел, что есть небо, и ощутил вкус и запах утра, когда солнечный свет пробивается в окно, солнышко ещё низко, цвета яркие и мягкие. Оказывается, время можно воспринимать совершенно иначе — более обширно, глобально и со множеством разных оттенков, нюансов, тоналностей. Каждый раз оно будет разным. Каждый день, каждое утро, каждая ночь — разные. Можно ощутить полет фантазии, сильные чувства, яркие ощущения и самые разные эмоции. Можно остановиться и посмотреть в глаза человеку, который проходит мимо, улыбнуться булочнику из лавки. В том мире, в котором я жил, это было невозможно, не входило в установленные рамки. А здесь можно ощутить булыжники мостовой под ногами, даже вкус дождевки на лице и мокрую одежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.